

ИНФО

ДИМИНЭЯ
АН

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Диминэя Ан

Инфо

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ан Д.

Инфо / Д. Ан — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Жизнь Алексея Грина не балует: ему девятнадцать, его избили в грязном подъезде, родители считают его сумасшедшим, а в добавок ко всему - он и сам так думает. Однако, после звонка по приснившемуся номеру телефона все, кажется, меняется к лучшему. Странные видения оказываются магическим даром, а сам Алексей - Книжником. И хотя он еще не осознал свою силу до конца - он уже попал в самый эпицентр древней войны добра со злом. Войны, в которой так легко потерять себя. Содержит нецензурную брань.

© Ан Д., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1 Гусеница	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	28
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	40
Глава 14	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Часть 1 Гусеница

Глава 1

Диван, на который Алексея усадили медбратья, был мягкий, обволакивал своим комфортом и теплом. Леша равнодушно отметил классический узор обивки. Скользнул блуждающим взглядом по стенам. Пастельные тона в интерьере кабинета призваны были расслаблять взбудораженную психику особо буйных пациентов.

Алексей буйным не был. Но его все равно укутывали в смирительную рубашку перед каждым сеансом. Так он меньше нервничал и не вздрагивал, когда мягкий голос психиатра начинал задавать вопросы.

– Ну и как же вы, Алексей Юрьевич, докатились до жизни такой? – лечащий врач, массивный лысеющий мужчина с вкрадчивым голосом и мягкими, но сильными руками, аккуратно раскладывал на столе картонные листы с пятнами Роршаха.

Этот психологический тест ничего не давал – Алексей знал, что нужно видеть на каждом рисунке. И послушно отвечал то, что знает, как на уроке.

Вечер выдался холодным. Промозглый ветер гонял по двору рваный целлофановый пакет. Алексей поежился и нервно подвигал губами.

– Не елозь, всю помаду сотрешь, – одернула его Жанна.

По-хозяйски поправила его волосы и шарф. Леша неуверенно улыбнулся ей и расцвел, встретив ответную улыбку. Хоть та и сквозила явной насмешкой, все равно – любимая улыбнулась ему. А значит вечер уже можно было считать удачным.

Скрипя каблуками по подмерзшему асфальту, они вдвоем приближались к нужному подъезду. Леша дышал на зябнущие пальцы (перчатки он потерял в маршрутке ровно за день до наступления холодов, как обычно) и отстраненно высчитывал траекторию движения пакета над асфальтом.

Был вечер пятницы, и они уже немного опаздывали на день рождения Жанниной подруги. Естественно, задерживал всех Алексей, за что ему должно было быть стыдно. Но стыд и неловкость уже стали настолько обыденными чувствами для него, что на очередной упрек возлюбленной Леша только вздыхал.

В последнее время он был виноват во всем. В том, что она проспала на пары, в пересоленной яичнице, в ругающихся наверху соседях, в переполненной маршрутке... Да, поводов для молчаливых вздохов у Алексея находилось очень много, чем он несказанно бесил Жанну и, конечно же, был виноват еще и в этом.

– Все. Пришли наконец-то, – буркнула девушка, стягивая перчатку с пухлой ладошки. – Как там у нее номер...

Алексей опередил ее, безошибочно набрав нужные цифры. Жанна нервно покосилась на него – она точно помнила, что не говорила парню номера квартиры. И никто не говорил. Но Леша ничего не мог с собой поделать. Некоторые вещи он просто знал.

Дверь щелкнула замком и призывно запищала.

– Пошли, пошли скорее, холодно! – заворчала Жанна.

Уже перед самой дверью снова дернула его за рукав, заставляя обернуться и замереть под придирчивым взглядом карих глаз.

– Не сучи коленками, выпрямись.

Алексей послушался, закусив губу от холода, что никак не желал отпускать колени, щиколотки и особенно внутреннюю сторону бедер.

– Не жуй помаду, – тут же пресекла девушка. – Ладно, в ванной поправим. Заходим.

И они вошли в теплую, празднично пахнущую квартиру, навстречу восторженному смеху и уже не вполне трезвым объятьям.

– Знакомьтесь, мальчики – это Алина, моя одноклассница, – подвыпившая именинница, уже посвященная в суть розыгрыша, не пыталась сдержать смеха.

Но так как она всегда отличалась повышенной смешливостью, никто ничего не заподозрил. Парни улыбнулись высокой блондинке, самый сообразительный уже сунул ей в руку бокал с дешевым вином.

Жанна ткнула его кулаком в спину, и Алексей послушно растянул накрашенные губы.

– Всем привет...

В тот момент розыгрыш Жанны еще казался ему неплохой идеей. Достаточно безобидной шуткой, чтобы с ее помощью разрядить копившееся между ними напряжение и, возможно, вернуть былые чувства. В последнее время любимая часто жаловалась на скуку, особенно в его присутствии. Поэтому Леша с радостью ухватился за первую возможность ее развеселить.

– Мадам, – выдохнул Игорь в самое ухо Алексею. – Не желаете ли выкурить сигаретку?

От его жаркого дыхания загорелись щеки. И что-то пугающе тянуло вниз живота, но об этом Леша запретил себе думать еще в тот момент, когда этот парень подсел к нему на диван, бесцеремонно выпихнув других конкурентов.

Алексей вскинул на мгновение глаза, поймал торжествующий взгляд Жанны и прочел по ее губам хищное: «попался». Уже тогда ему почудилось, что адресовалось это слово вовсе не Игорю. Но, послушный правилам игры, Леша кивнул.

Оба балкона оказались занятыми другими парочками, и Игорь повлек свою «мадам» к входной двери.

В подъезде неприятно пахло сыростью. С первого этажа тянуло холодом.

Алексей благодарно кивнул, принимая сигарету. Прикрыл глаза, ловя ее кончиком огонек зажигалки. Игорь шумно сопел у него над ухом. Видимо, подбирал слова для будущей беседы.

Леша курил и отстраненно разглядывал фактурное лицо парня. Массивные бровные дуги, широкий лоб, нос, несущий на себе след минимум двух переломов. Такое лицо стоило рисовать углем по шероховатой бумаге. Только на влажные полные губы можно было добавить чуть цвета...

– Ты, значит, на врача учишься? – хриплый голос Игоря выбил Лешу из размышлений.

– А... ага, – голос сбился с женской тональности, но парень вроде бы не заметил или посчитал, что это от сигареты.

– Круто. Говорят, у врачей руки сильные.

Леша приподнял одну бровь и многозначительно улыбнулся.

Сигарета тлела в его руке, неизбежно приближая финал. Но ему нужно было протянуть время, подгадать момент. Чтобы выскочившая вслед за ними Жанна смогла запечатлеть на свой телефон самый пикантный кадр.

Игорь сопел все громче, буравя Алексея жадным взглядом и посылая в пространство разрозненные фразы ни о чем. Явно не ожидая от собеседницы сколько-то развернутого ответа хотя бы на одну из них.

Сигарета прогорела до фильтра. Леша кашлянул и медленно раздавил ее о загаженный подоконник.

– Я че спросить-то хотел, – спохватился Игорь, как завороченный, наблюдая смерть окурка. – Ты это... у тебя парень есть? В смысле, молодой человек.

Почему-то сердце Алексея неприятно екнуло в этот момент. Он поймал взгляд парня, дышащего уже, как возбужденный носорог, улыбнулся ему. И, молясь чтобы Жанна заметила

перемену в глазок двери, за которой та должна была ждать с приготовленным телефоном, ответил:

– Нет. Нету.

Леше казалось, что он готов, но внезапный наглый и горький от никотина поцелуй застал его врасплох. Игорь навалился на него всем весом, размазал по облупившейся стенке подъезда, отобрал дыхание. Широкие ладони прошлись по вздрогнувшему ребрам, сдавили лифчик, сминая запряжанные под ними противные силиконовые вкладыши. Одна рука смело скользнула вниз, ухватилась за бедро. Все это произошло буквально за пол секунды.

– Алиночка... ты такая красивая, – выдохнул Игорь, отпустив на мгновение рот Алексея. Мазнул слюной по скуле, щеке, веку. И снова вернулся к губам.

Леша задыхался, дрожал пойманным зверем. Ошеломленный и растерянный, он не замечал, как поддается грубым ласкам. Мысли и ощущения разбились на цветные осколки калейдоскопа, которые кружили в вихре мужской страсти. Голос благоразумия потонул в шуме закипающей крови. Игорь оказался воплощением безудержной силы, тайфуна, сопротивляться которому Алексей не смог.

Жанна все не появлялась.

Игорь спустился поцелуем ниже, одной рукой потянул с Лешиной шеи шелковый шарф. Вторая рука все так же беззастенчиво оглаживала ногу, норовя скользнуть под юбку. Туда, где стало уже очень горячо.

Алексей хватанул воздух ртом, невидяще распахнул глаза. Зрачки уцепились за жирную надпись на противоположной стене. Кажется, ее раньше там не было, иначе почему Алексей не заметил? Неровные черные буквы складывались в короткий посыл: «Беги».

Шероховатые пальцы Игоря пересекли кружевную границу резинки чулка и коснулись белья. И того, что под ним скрывалось.

Удар обрушился так быстро, что Алексей не успел даже зажмуриться. Его бросило на бетонные ступени. Он не успел выставить руки, ударился щекой и плечом. До хруста и багровых пятен перед глазами.

– Ах ты ж... ах ты ж блять! – только и смог выдохнуть Игорь и ударил поверженного каблуком, сверху вниз.

Алексей закричал и сжался в комок, инстинктивно закрывая голову и поджав ноги. Удары посыпались градом.

– Не надо... – смог простонать он в минуту, когда Игорь приостановился перевести дух. – Жанна...

– Я те ща покажу, Жанну, – парень еще раз пнул его в бедро.

Леша коротко вскрикнул.

– Фу, блять, бить тебя и то – противно, – дышал запыхавшийся Игорь над почти беспмятным, ослепшим от боли Алексеем. – Пидор... Ноги об тебя вытирать... Ты грязь, ты ничто. Еще раз тебя здесь увижу – в асфальт закатаю.

Жанна не появилась.

На самом деле, в каждой черной кляксе он видел узор собственной крови на грязном полу, следы помады на бетонном крошечке, растоптанные окурки и грязь. И много чего еще. Но он помнил, что нужно отвечать, чтобы получить зачет...

– Алексей, – позвал психиатр, напоминая о своем присутствии.

Леша медленно моргнул.

– Меня нет. Я ничто. Информация стерта.

Глава 2

За маминой спиной стояла тумбочка, а на ней – пластиковая бутылка с водой. Леша тяжело сглотнул, не в силах оторвать взгляда от туго завернутой голубой крышечки. От белой керамической кружки, словно бы случайно оказавшейся там же, на тумбе.

От принятых полчаса назад лекарств тошнило, немело лицо и пересушивало горло. Язык становился сухим и ломким, как пергамент, а на его корне поселялась саднящая, зазубренная игла, мешающая даже дышать. В принципе, Леша уже давно привык и спокойно бы переждал недомогание в палате, если бы его не привели в эту комнату с нежно-оранжевыми стенами и не усадили напротив этой тумбочки. И напротив мамы. Чьи жалобные, встревоженные и одновременно стыдливые взгляды иссушали душу сильнее препаратов. Но он не смотрел на маму. Вид холодной воды сводил с ума...

Хотя, о чем это он? Он ведь и так сумасшедший. Иначе, как бы он здесь оказался?

Он ведь псих. Ненормальный.

Мама пыталась заглянуть ему в глаза.

– Леша? Алеш... ты меня слышишь?

Он слышал.

– Леша, ты с нами? – тонкий, ухоженный брюнет по прозвищу Эрик щекотнул задумавшегося Алексея по боку.

Тот щекотки не боялся, но вздрогнул, вырванный чужим прикосновением из сумрака мыслей.

– А? Да... я здесь, – Леша изобразил на лице улыбку.

– Что-то ты какой-то смурной, – Эрик глянул неодобрительно, придвинул коктейль. – Болит что-то?

Алексей отрицательно мотнул головой. Нет, срощенные в травматологии кости еще порой напоминали о себе ноющей болью. Но сегодня дело было не в этом.

– Расслабься, все будет пучком, – подмигнул Эрик, кажется, догадавшись о причинах скованности однокурсника.

– Я уже – пучком, – напиток неприятно горчил и пузырился на языке, но алкоголя в нем было столько, что с первого же глотка в голове начало основательно позванивать.

– Ага, пучком, сачком и наскоком, – Эрик замахал кому-то в танцующей толпе. – Э-эй, а вот и наши ребятки подошли. Эй, мы тут! Жека!!! Васёк! Йу-ху!

Алексей не успел обернуться, а вокруг уже засуетились, загомонили, начали хлопать по спине и плечам, тянуть и трясти ладони. Кто-то из новых знакомых словно бы невзначай огладил его по бедру – Леша было сжался. Но тут же одернул сам себя. Разве не за этим он пришел в гей-клуб в компании тусовщика Эрика? Разве не за тем, чтобы развеяться, расслабиться и забыться, окунувшись в чужое веселье, чужие отношения – новый для него мир, где все может получиться и встать, наконец, на свои места.

Разве не здесь его место? Ведь Жанна права в том, что ни одна женщина не захочет иметь дело с таким, как он – слабым и податливым. Зато мужчинам с Алексеем будет хорошо. Он красивый – слишком красивый для юноши – эти белокурые волосы, эти ресницы и серый бархат глаз больше подошли бы девушке. Так что пора было признать ошибку природы и не пытаться идти против судьбы. Именно поэтому он поддался на уговоры Эрика и пришел сегодня в этот клуб.

У Алексея даже получилось, на какой-то миг, отстраниться от самого себя. Под воздействием алкоголя с подозрительным привкусом химии, под давлением музыкальных басов на

барабанные перепонки, под обаянием молодых юных горячих парней, которые кружили вокруг него – Леша расслабился и начал улыбаться.

Ему улыбались в ответ, шутили, кричали комплименты в самое ухо, пытаясь перекрыть музыку, угощали напитками, норовили обнять и прижаться. Чужое тепло неприятно напоминало о событиях двухмесячной давности, об агрессивных ласках Игоря и о том, что произошло сразу за ними. Алексей то и дело цепенел – тело, не привыкшее к такому массиву тактильных ощущений, паниковало, – и тут же встряхивался, стараясь меньше думать и больше шевелиться. Благо адреналин и алкоголь создавали из крови взрывоопасную смесь.

– Пойдем, подышим! – крикнул кто-то рядом (Леша не услышал, но успел прочесть по губам) и поволок его к выходу.

Ночь дышала бензиновыми парами, табаком и сыростью грязного снега. Алексей съжился от холода, предрекая себе неделю простуды и больного горла, но мысль о том, что нужно бы вернуться в клуб, не казалась пока стоящей внимания. Парень, вытаскивший его на мороз (как его звали – Женя? Вася?), прикурил тонкую сигаретку, придерживая фильтр большим и указательным пальцами. Протянул пачку Алексею.

– Я не курю.

– Да лаадно, – протянул парень, глянув недоверчиво и малость снисходительно. – Что, папик не велит?

Алексей растерянно сморгнул, не вполне понимая, какого ответа от него ждут. И вытянул сигарету из пачки, решив, что проще подчиниться правилам игры, чем отстаивать свою позицию. В конце концов, это всего лишь ритуал. Да и сигареты оказались легкими, с, пожалуй, даже приятным вкусом, забивающим гадкие ощущения на языке после алкоголя. Он совсем не напоминал о горьком вкусе тех поцелуев.

– Вот так, – парень (кажется, все же Вася) протянул огонек зажигалки. – Первый раз в клубе?

Все-таки Леша поперхнулся, но сумел сдержать кашель где-то на уровне горла. Кивнул, наблюдая за тем, как дым растворяется в ночном сумраке.

– Ну и как тебе? – Вася приблизился плотнее, обволакивая собеседника запахами алкоголя, парфюма и, кажется, даже лака для волос.

Алексей заметил тонкую линию черной подводки на веках и комочки туши, почему-то это показалось ему смешным и по-детски наигранным. Он улыбнулся:

– Клево.

– Кле-е-во, – повторил за ним парень и облизнулся, щуя на Алексея блестящие глаза. – Клево – это хорошо. Я рад, что тебе нравится. Пошли? А то чет холодно тут...

Он щелчком отправил окурочок в ноздреватый сугроб, демонстративно игнорируя стоящую рядом мусорку, и потянул Лешу обратно – в пестроту и шум клуба. Тот еле успел затушить свою сигарету.

Едва они прошли коридор, как Вася (а может, все-таки Женя?) резко свернул, не отпуская Алексея и вынуждая его последовать за собой. Леша малость растерялся, но спросить ничего не успел – перед ним открылась дверь туалетной комнаты.

Он отметил геометрический рисунок черно-золотой плитки на стенах и исписанные губной помадой зеркала над округлыми раковинами – больше ничего не успел, потому что Вася заполнил собой все пространство вокруг, а его влажный жадный рот впечатался поцелуем в губы. Алексей оторопел всего на мгновение, которым парень не преминул воспользоваться – неожиданно сильные руки огладили, стиснули, прошлись по груди, спине, забрались в волосы, чтобы тут же спуститься обратно и стиснуть пальцами ягодицы.

– Па... подо...

Нет-нет, только не снова! Только не новая боль и унижение. Понадобилось несколько отчаянно-глубоких вдохов, чтобы тело перестало каменеть под чужими ладонями.

– Ты красивый, – выдохнул парень, на миг прерываясь.

– Спа... – новый поцелуй своровал у Леша дыхание.

А дальше Алексей вдруг оказался в кабинке, а Вася все еще рядом, но уже на корточках. И его губы по-прежнему целовали, но уже много ниже и (ох!) глу-у-убже. Так, что у Леша перехватывало дыхание и слабели колени, и кровь стучала в висках, и переносицу сводило от прилива крови. А мысли путались и скакали солнечными зайчиками по брызгам бурной реки. Только одна мысль дрожала на поверхности.

Одна ехидная, словно чужая, мысль: Леша-Леша, ты ли это – хороший мальчик, отличник в школе, прилежный студент без единого нарекания, гордость родителей – ты ли это? И Алексей уже почти готов был смутиться, попытаться высвободиться, сбежать и стереть из памяти эти сладко-стыдные кадры новой биографии.

Биографии, в которой Лешу не наказывают за чужую глупую шутку. В которой можно признаться самому себе во всем, даже в самом постыдном. В том – что одного короткого прикосновения Игоря тогда хватило для разрядки. В которой снова можно натянуть на себя тонкий нейлон и не вздрагивать по ночам от абсурдного страха, что родители подслушают мысли и все узнают. В той, в которой мама не раздевает тебя догола прежде, чем вызвать скорую, не стирает помаду дрожащей рукой...

В этот самый миг, Вася-Женя добился поставленной цели. Сглотнул и облизнулся, любуясь снизу горячим румянцем на щеках красивого и пока еще робкого юноши.

Леша-Леша, что же скажет мама?

– А соседи наши, Васютины, помнишь – те, что справа жили, у них дверь еще такая зеленая... съехали они. Да. Домик где-то в деревне купили. Папа говорит – выпишут тебя, мы тоже на природу уедем. Там спокойней...

Мама все говорила, уже порядка двадцати минут продолжался ее сбивчивый монолог. Она бросала на Алексея короткие взгляды, надеясь, что он посмотрит в ответ. Но он смотрел на бутылку воды, почти поверив, что, если подождать еще немного, если поднапрячься – вода станет буквами, словами и формулой. И тогда их можно будет попытаться передвинуть или изменить, притянуть ближе к себе по странному, полному информации пространству.

Он почти видел, как мамины слова формировались внутри нее и вытекали наружу, обтекая его, словно медленная вода. Но этой водой не напиться и не смыть всего того, что говорила эта добрая, но напуганная женщина раньше. Раньше, когда она плакала в кабинете психиатра и уговаривала Алексея подписать бумаги о согласии на госпитализацию.

Бутылка с глухим стуком опрокинулась, керамическая кружка упала и разбилась. Мама вздрогнула и охнула, судорожно сжимая ладони. Леша тоже вздрогнул и почувствовал, как его обессиленное тело медленно стекает на ковер комнаты для посетителей.

Г

лава 3

Иногда Леше казалось, что он спит и видит страшный сон – самый ужасный из своих кошмаров. Что все вокруг – обшарпанные стены, грубые медбратья, старая и потрепанная, пахнущая химией смирительная рубашка – всего лишь детали бреда. А иногда – что прошлая жизнь была таким сном.

Но приходила ночь, и воспоминания о кошмарах наяву расставляли все по местам.

Ее привезли под утро. Девушка двадцати лет, студентка. Автомобильная авария. Водитель не справился с управлением, машину занесло – она несколько раз перевернулась, и девушку наполовину выкинуло в боковое окно.

Глядя на тело, Алексей даже не мог определить, была ли девушка красивой при жизни. Ухоженной – да. Педикюр, гладкие, явно подкачанные ноги и пресс, интимная стрижка. На левой руке сохранился маникюр – белые цветы на красном фоне.

– Смотри-ка, натуральная блондинка, – хмыкнул судмедэксперт, приподнимая щипцами фрагмент кожи с головы. – Не твоя сестра случаем, а, Принц?

Принцем Алексея прозвали в первый же день работы в морге. Принц Аида, наследник Царства Мертвых. Никакого иного прозвища здесь не могло возникнуть, учитывая, что Леша устроился помощником к главному судмедэксперту Королеву, которого давно уже не именовали иначе, чем Королем-личем.

– Заполни ее карточку, – попросил Скелет, собирая фрагменты черепной коробки словно сложный, но увлекательный пазл. – Эх, жалко, такая красота зазря пропала.

– Может, не зря, – обронил Леша и сам удивился своей фразе.

Скелет едва пинцет не выпустил, воззрившись на напарника с удивлением.

– Немой заговорил... блин, Король же мне ни в жизнь не поверит. Подумает, что я бухаю в ночное. Или мне примерещилось, а?

Алексей не отозвался. Вторым его прозвищем почему-то стало имя Патрик, но так его называл только сам Король-лич, периодически требуя от Алексея стихов о несчастной любви. Леша, как всегда, отмалчивался.

Он пытался писать стихи, поначалу. Но это только усиливало боль, расширяя ее до масштабов абсолюта. Учебу Алексей не забросил, чувствуя себя безвольной тряпкой даже в этом. Хотя после столкновения с Игорем редкие встречи с Жанной в университетских коридорах, оборачивались для Алексея ночными кошмарами.

И пусть времени прошло достаточно, и пусть он, казалось, уже нашел себя – иногда получалось забыться в других руках, губах и ласках – она продолжала терзать его воспоминаниями о том страшном вечере. Самим своим существованием не давая забыть о том, кто он и чего стоит.

Он попробовал утопить свою боль в алкоголе, но обнаружил, что тот его почти не берет. От травки его затошнило. А более тяжелые наркотики вызывали такое острое внутреннее отторжение, что Леша даже пробовать не стал. Проще оказалось уйти с головой в работу.

Днем, после исправно посещаемых лекций, он подрабатывал санитаром в больнице. А ночью дежурил в морге или отжигал в клубе вместе с Эриком и его друзьями. Такой режим позволял Алексею не спать, а во время кратких дремотных перерывов сны ему не снились.

Он немного опасался, что с таким темпом скатится по учебе, но внезапно обнаружил, что в чуть позванивающей от недосыпа голове все знания умещаются еще легче. Только болели порой глаза от чтения, но вскоре Алексей избобрел свой способ.

Взглянув на страницу книги, он прикрывал глаза. Образ строк возникал на внутренней стороне век, словно негатив фотографии, и его можно было спокойно читать, притворяясь задремавшим. Удивительным было только то, что никто до Леша об этом не додумался. Но он старался не забивать себе голову пустыми рефлексиями. Его и без того все и всегда считали чуточку странным, так что Леша успел привыкнуть к непонимающим взглядам и никому не пытался что-то объяснить.

Молчать он привык давным-давно.

– Эй, Принц, скажи еще что-нибудь, а? – не отставал Скелет, отчаянно скучающий и раздосадованный работой, свалившейся под конец смены. – Почему ты считаешь, что наша гостья не зря к нам попала?

Алексей повернулся на вращающемся стуле, мазнул по судмедэксперту взглядом серых глаз. Глянул на тело, пожал плечами.

– Ой, вот только не начинай этих своих ужимок, – взмолился Скелет. – В кои-то веки у тебя голос прорезался. А я устал тут сам с собой разговаривать – так и до дурки недалеко. Давай, скажи, как думаешь – кем она была?

– Боевиком.

– Ась? – Скелет растеряно моргнул.

– Она была боевиком, – заговорил Алексей, видя палец с красным ногтем на спусковом крючке. – Машина не могла перевернуться сама собой, ее подо...

Взрыв почти ослепил Алексея, черная иномарка подпрыгнула в воздухе, словно пластмассовая игрушка. Взметнулись белокурые волосы, ручной автомат отлетел куда-то и потерялся в дыму сражения. Анжелика не успела среагировать, не успела вообще ничего – ее тело уже размазывалось по вздыбленному асфальту...

Смех Скелета разорвал полотно видения.

– Ну у тебя и фантазии, Принц! Ты точно ничем не ширяешься? Или тебя по синьке так пробило? Да мы вроде не квасили сегодня... Эй, Принц, ты тут? Леха...

Пространство вокруг задрожало, осыпаясь под ноги бумажными обрывками. Края их тлели. И сквозь пепел и дым Леша видел бетонные стены морга – закопченные, как после пожара, с обсыпавшейся кафельной плиткой.

Тело незнакомой девушки, все еще изменяющееся и вздрагивающее, словно голограмма, парило на одном месте. А вокруг него крутились кадры аварии, отражаясь друг от друга и повторяясь, словно стеклышки в калейдоскопе.

Алексей поднял лицо вверх, и вместо исчезнувшего потолка увидел безграничное полотно неба, освещенное багровыми всполохами. Небоскребы городского центра колыхались на ветру, словно зрелые колосья и, кажется, перемещались в пространстве, переползая. Некоторые, впрочем, оставались привычно недвижимыми, мертвыми останками самих себя.

По небу текли надписи. Разрозненные куски текстов на всех существующих языках. Некоторые строки вспыхивали, словно зарницы, приманивая к себе взгляд. Алексей произвольно читал их и узнавал – узнавал все до единой. Даже те, что, казалось, читал впервые. Текста становилось все больше, строки перетекали друг в друга, перемешивая языки, образуя прозрачные многомерные конструкции из смыслов и значений. Спускаясь с неба, они заполняли собой все пространство вокруг своего единственного читателя. Вот уже и девушка, и стол, над которым она парила, превратились в набор букв...

Где-то на краю сознания ему слышался далекий голос Скелета, прерываемого звуковыми помехами. Он становился все тише, погружаясь под наслоения информации. А самого Алексея словно подняло в воздух, куда-то бесконечно высоко (хотя он продолжал ощущать под собой упругость сиденья) – в верхние слои стратосферы. А все вокруг, весь мир простирался под и перед ним, словно необъятный поток. Книга, свиток, бесконечность файлов. Это было удивительно, захватывающе... И невозможно.

В какой-то момент Алексей заметил, что не только все окружающее, но и его одежда начинает рассыпаться на части: состав ткани, химические формулы синтетических соединений... белок, липиды, аминокислоты, роговые пластины – его пальцы с едва слышимым хрустом распались на тонкие ленты полупрозрачных строк и устремились к текстовому полотну Вселенной.

И Леша закричал.

Смирительная рубашка не позволила ему вскочить. Алексей выгнулся, еще раз коротко вскрикнул, словно голосом можно было прогнать кошмар-воспоминание. Перевалившись на бок, он сумел поджать ноги к животу. И, уткнувшись лицом в мягкую стену, тихонько заплакал. На тканевом узоре обивки проступали чуть мерцающие строки разрозненных текстов.

Глава 4

Слова. Слова. Слова... СЛОВА.

Они выплывали из стен, закручивались спиральями на потолке, складывались в объемные тексты и мыслеформы. Слова текли и летели, перемежались друг с другом, объединялись в фразы и предложения, устилали строками пол. Если Алексей закрывал глаза, он все равно видел их негативы на внутренней стороне век. И даже когда удавалось зажмуриться как следует – они начинали шептать.

Никогда тишина не была столь желанной для него. Каждую секунду – если только Леша не лежал под действием препаратов, приносящих временное блаженное безмолвие мира, наполненное созерцанием потолочной пустоты – каждую секунду он слышал сотни чужих голосов. Они кричали и шептали, напевали и проговаривали монотонно. Иногда он узнавал их, иногда ему казалось, что он их знал, иногда это были совершенно незнакомые голоса, но стоило чуть прислушаться и приходило знание, кто говорил и когда.

Скрипнула дверь. Слишком поздно для завтрака, слишком рано для ежедневного обхода, что, впрочем, было неважно. Сразу за скрипом – знакомый голос психиатра:

– А тут у нас отдельный случай, – тяжелый сочувствующий вздох, кажется, ветерком коснулся щеки Алексея.

Но это были лишь слишком близко подкравшиеся строки, поэтому Леша нервно дернулся, силясь их отогнать.

– Этот юноша у нас надолго. Слишком тяжелый случай.

– А что с ним? Почему он в отделении для буйных? Вроде выглядит неопасным, – этот голос Алексею был абсолютно незнаком. И одновременно знаком, как ни один иной голос в этом наполненном шуршащими страницами мире.

– Он опасен скорее для себя. Держим здесь – тут персонал внимательнее.

– Суицидник?

– Да вроде нет. Не больше остальных.

– Можно посмотреть его карту?

– Да, пожалуйста.

Шорох бумаги заставил Алексея сгорбиться, скукожиться, пряча лицо в колени. Связанные смирительной рубашкой руки не могли зажать уши. Алексей начал глухо жужжать, чтобы этим звуком перекрыть все. Благо, вскоре снова раздалась живые голоса, хоть Леша и сомневался порой в их реальности.

– Поступил к нам с острым шизофреноподобным расстройством. Сумеречное помраченное сознание, делирий, – вещал психиатр. – Через месяц пребывания был поставлен диагноз шизофрения. Сейчас, как сами можете видеть, находится в пограничном состоянии. Срыв может произойти в любую минуту...

– Пока я вижу только страдающего человека, – голос незнакомца звучал напряжено, разрывал туманную кисею пространства острыми нотами. – Он постоянно в смирительной рубашке?

– Практически.

– Почему?

– Ему так спокойнее.

– Ему? Или вам?

Голос незнакомца едва заметно дрожал, словно он воспринимал дело пациента слишком близко к сердцу.

– Ничего не понимаю. С чего вы взяли шизофрению?

– Ну как же, все симптомы...

- Кататоническое поведение? Психомоторное возбуждение?
- Ну, вы же сами видите. Он ни разу не пошевелился.
- Ему страшно, вот и все. Чем он так напуган?
- Галлюцинациями.
- Он слышит голоса?
- Нет, он их видит.
- Как это?
- Вы у меня спрашиваете?

Иногда Алексей даже жалел о том, что учился не на психиатра и понимал далеко не все, что говорили при нем врачи. Хотя стоило чуть напрячься и разрозненные слова услужливо выстраивались в страницы психотерапевтических учебников – можно было читать прямо на стене. Но Алексей редко находил в себе силы управлять галлюцинациями.

– Ох, а с чего все началось? Тут ничего не написано, – снова зашелестели страницы, снова голос дрожал, почти срывался.

- По словам родных, все произошло слишком быстро. Никто ничего не знает.
- Но вы же с ним беседовали, проводили анализы. Он принимал наркотики? Пил?
- Все анализы отрицательные. Никаких наркотиков, по крайней мере за последний год.

Алкоголь в разумных дозах. Поступил к нам трезвым. Да и отзывы о нем были только самые положительные. Абсолютно нормальный внешне индивид. Учился, подрабатывал... а теперь, сами видите – абулия, алогия, апатия, шизофренический делирий, дезорганизованное поведение. Был нормальный человек...

Психиатр вздохнул с жалостью. От этого звука у Алексея начали мокнуть ресницы и свербеть в носу.

– Наследственность? – казалось, незнакомец искал не причину, а оправдание Лешинной беды.

- Нет. Вся родня в полном порядке. Для них это стало шоком. Такая трагедия...

– Но что-то ведь должно было послужить катализатором? Депрессия, стресс. Черепно-мозговая.

– Да, по словам матери, несколько месяцев назад его избили на улице. Но там не было ничего серьезного. Полежал в больничке немного, выписался и все было хорошо.

- Ничего не понимаю... Может это стресс. Но что могло случиться...

– Вы так остро реагируете, – наконец-то заметил психиатр. – Вы знакомы с этим молодым человеком?

– Что? Я? Нет, я его впервые вижу, – ложь окрасилась кислотно-зеленым и чуть подсветилась по краям.

Почему-то Алексей был рад тому, что его лечащий врач не мог этого видеть и разоблачить незнакомца. Но почему тот врал? То есть... они на самом деле были знакомы?

Леша заставил себя поднять голову, выпрямиться и взглянуть на двух мужчин в белых халатах, беседующих о нем, словно о предмете интерьера. Грузный психиатр в этот момент как раз протирает очки, кажущиеся слишком хрупкими в его руках. Он не заметил перемены в позе пациента. Зато заметил другой – высокий сероглазый молодой мужчина с красивым лицом и длинными светлыми волосами, завязанными в аккуратный хвост. Под белым халатом просматривалась элегантная рубашка приятного голубого оттенка. Галстук, запонки. Незнакомец осторожно улыбнулся:

- Здравствуйте, Алексей. Прошу прощения, что потревожил.

Алексей молчал, силясь понять, где он мог встречать этого красивого человека с такими бархатистыми интонациями и теплым взглядом. Он определенно его где-то видел, если, конечно, ему опять все это не грезилось.

– Бесплезно, – покчал головой врач. – Ничего вразумительного он вам не ответит. Социальный аутизм...

– А если ответит? – поймал его на середине фразы незнакомец. – Вы позволите мне его вести?

Редкие бровки психиатра поползли вверх по округлому морщинистому лбу. После чего последовало неопределенное хмыканье:

– Попробуйте.

Незнакомец кивнул и сделал один осторожный шаг в сторону Алексея. Улыбнулся обезоруживающе.

Алексей следил за его приближением и не чувствовал страха. Наконец-то совершенно не чувствовал страха. Словно рядом с этим человеком (а человеком ли? что за странные вопросы роились в голове...) ничего плохого с ним не могло случиться.

В какой-то момент Леша поймал себя на том, что улыбнулся в ответ.

– Здравствуй, Алексей. Меня зовут Юджин Владленович. Но ты можешь называть меня просто Юджин, хорошо? Ничего, что я так сразу на «ты»?

Алексей молчал. Потому что вокруг собеседника начали роиться совершенно новые, золотистого цвета строки. На незнакомом, странном каком-то языке, который Алексей вопреки всему мог прочесть. Который он понимал.

«Книжник. Книжник, как же... как же так? Почему я нашел тебя именно здесь? Книжник. Брат, я... Я вытащу тебя отсюда. Не бойся – теперь все будет хорошо».

Алексей смотрел в ласковые, серые (такие же, как у него) глаза напротив. С удивлением понимая, что да – он понимал. И верил. И даже тихо отвечал что-то Юджину вслух, к крайнему удивлению своего, теперь уже бывшего, лечащего врача.

– Ну, так что, Леш? – спросил Юджин, закрывая папку истории болезни. – Будем выздоравливать?

Алексей кивнул. И улыбнулся в ответ.

Глава 5

Это был новый кабинет. Здесь едва заметно пахло краской и только что купленной мебелью. В уголках обивки дивана еще топорщились обрывки полиэтиленовой упаковки, которые так и просились в руки – теревить, дергать, тайком вытаскивать и растягивать. Кажется, Юджин заметил, зачем Леша сунул руку между телом и подлокотником дивана, но виду не подал.

Они сидели друг напротив друга – врач и пациент – в светлом кабинете, так не похожем на все другие комнаты в этой клинике. Слишком много света, словно солнце намеренно задерживалось, заглядывая сюда через высокое окно. Легкие занавески ничуть не мешали солнечным зайчикам гулять по поверхности стола, среди документов, книг и каких-то совершенно неуместных мелочей, за которые так и цеплялся взгляд. Например, крошечная чиби-фигурка Сейлор Мун, брелок с изображением кота Гарфилда на ключах или кружка с надписью «у каждого человека свои звезды», из которой неожиданно доносился аромат какао.

Алексею странно было здесь находиться. Кабинет настолько выбивался из общего фона клиники, что начинало казаться, что за дверью ждал нормальный мир, а не обшарпанный коридор с вечно тусклыми лампочками.

– Итак, Алексей, – Юджин отложил в сторону историю болезни и поймал взгляд пациента. – Начнем наконец-то наше знакомство?

– Алексей Юрьевич Грин, 1997 года рождения, девятнадцать полных лет... – монотонно заговорил Леша, но врач прервал его.

– Это я знаю. Давай поговорим о том, почему ты здесь.

Обычно на подобные вопросы Алексей закрывался и молчал в пассивном ожидании, конца приема. Но сегодня напротив сидел Юджин, смотрел с теплым пониманием, едва заметно подбадривающе улыбался. Ему хотелось верить и с ним хотелось говорить.

– Острое шизофреноподобное расстройство, сумеречное помраченное сознание, делирий... Что такое делирий? – сорвавшийся с губ вопрос стал неожиданностью для самого Леша.

– Психическое расстройство, характеризующееся наличием, преимущественно зрительных, галлюцинаций и иллюзий, – ответил Юджин и тут же добавил. – Но я подозреваю, что ничего подобного у тебя не было.

– Но я видел, – выдохнул Алексей, вдруг испугавшись того, что врач ему не поверит. – Я, правда, видел!

– Вот именно, – серьезно кивнул Юджин. – Ты, правда, что-то увидел. Что это было, Леш?

Алексей почувствовал, что попался. Никому прежде он не говорил, что галлюцинации, случившиеся с ним в морге, и некоторые мелкие глюки, появлявшиеся до того, казались ему чем-то... чем-то настоящим? Но он ведь и сам понимал, что видит иллюзии, что он болен и что срыв, скорее всего, произошел на фоне депрессии, после...

Нет. Не думать об этом. Не вспоминать. Стереть информацию.

Боль, тихая, но навязчивая, словно комариный писк, появилась в районе висков.

– Алексей? – Юджин мгновенно считал перемену в состоянии пациента. – Что-то не так? Тебе плохо?

Алексей сжался, подтянув ноги к подбородку и обняв колени. Застыл в шаткой позе, на самом краешке дивана, замер. Психиатр вздохнул, поднялся, обошел стол и присел рядом с ним. Тронул за плечо.

– Алексей, послушай меня. Я понимаю, что тебе больно и страшно. Ты попал в ужасную беду, из которой пока не видишь выхода. Я хочу помочь тебе. Но для этого ты должен мне верить так же, как я тебе. А я верю тебе, Леш.

От прикосновения теплой ладони головная боль моментально прошла, словно ее выключили. Алексей боязливо приподнял голову. И снова встретился взглядом с добротой серых глаз.

– Верите? – переспросил еле слышно.

«Верю, – вспыхнули золотистые буквы: ты ведь, слышишь меня, Леш?»

Губы Юджина не шевелились, но взгляд стал выжидательным.

– Я... не слышу, – рискнул ответить Алексей после нескольких мучительных минут. – Я вижу. Я вижу строки на незнакомом языке.

– Незнакомом? Но ты ведь можешь их прочесть?

– Д-да, могу, – у Алексея вновь пересохло горло, но на этот раз дело было вовсе не в препаратах. – Но не спрашивайте меня, как это получается.

– Хорошо, не буду. Значит, ты видишь слова. Буквы, строки, да?

Леша кивнул.

– И именно это ты увидел в первый раз, когда тебя привезли сюда?

Леша снова кивнул. Воспоминание о том дне должно было принести боль, но рука Юджина все еще лежала на плече защитой.

– А сейчас? – голос Юджина становился все тише. – Прямо сейчас, здесь ты что-нибудь видишь?

Алексей огляделся и только что заметил, что слова исчезли. Даже на грани видимости, в зоне периферического зрения не мерцало ничего постороннего.

– Нет, – выдохнул он удивленно и едва ли не испуганно. – Они пропали. Совсем.

– Хорошо, – Юджин кивнул и поднялся.

Алексей едва превозмог порыв потянуться следом за ним, продлевая прикосновение руки. Его врач снова обошел стол и нажал какую-то кнопку на клавиатуре. Тихая мелодия, все это время незаметно льющаяся из колонок, смолкла.

– Посмотри еще раз, – попросил Юджин и, Леше показалось, что голос у него звучал виновато.

Алексей снова осмотрел кабинет. В первое мгновение все казалось прежним. Но вот, сквозь полоски на обоях, сквозь щель под входной дверью, сквозь оконное стекло – вновь потекли слова и буквы, и символы, и строки. Леша всхлипнул, вжимаясь спиной в спинку дивана.

– Ты их видишь, Леш? – спросил Юджин, замерев по ту сторону стола.

Алексей отчаянно закивал, кусая губы и стискивая пальцы.

– Не бойся, – голос психиатра заглушал шорох призрачных страниц, притягивал к себе внимание. – Не бойся, Алексей. Ты не сумасшедший.

Снова зазвучала музыка, теперь чуть громче, и галлюцинации померкли, истончились и пропали. А Юджин снова оказался рядом, склонился над измученным Лешей, положил ладони на его напряженные плечи.

– Нет, Книжник, ты не сумасшедший. По крайней мере, не больше чем я.

Глава 6

– Черт, эти идиоты снова давали тебе препараты? – Юджин выглядел рассерженным и напряженным.

Он ловил уплывающий взгляд Алексея, тормозил его, растирал ладонями немеющие холодные пальцы.

– Ладно они, но ты-то? Ты сам зачем их слушаешься, Леш? Тебе нельзя ничего принимать, ты не сумасшедший.

Алексей слушал этот волшебный голос. Ему бы хотелось ответить, объяснить, что он был не в силах противиться грубым рукам медбратьев. Что нужно было подчиняться правилам клиники, иначе было бы хуже. Ему хотелось, но вялое тупое тело не слушалось импульсов извне, а сухой язык не ворочался во рту. Очень хотелось спать...

Все, на что Алексея хватило – это добраться до двери спасительного кабинета. Куда он ввалился, словно пьяный матрос. В побеге от жестокой реальности, начинающейся сразу за порогом.

Здесь можно было сидеть на мягком диване или жестком подоконнике, любясь серым пейзажем больничного двора. Пить какао, которое Юджин приносил в термосе. Читать книги или рисовать. Или вот так лежать, тупой бесчувственной колодой, под сочувствующим взглядом лечащего врача.

Врача, который, по мнению всего остального персонала клиники, Алексея не лечил.

Он отменил все препараты и процедуры, показанные для шизофреников. И назначил вместо них непонятные индивидуальные занятия и арт-терапию. Хотя даже санитаркам было известно, что арт-терапия лишь усугубляла состояние этого психа – он начинал записывать непонятные тексты на несуществующих языках или латыни.

И назначение препаратов вернулось – уже по наставлению главного врача. И порой санитары готовы были выполнять его волю даже вопреки любым моральным законам. Скрутить легкого и слабого Лешу им ничего не стоило. А еще его можно было припугнуть, чтобы лишний раз не жаловался Юджину Владленовичу. Тут даже не приходилось ничего делать самим – достаточно было подсадить за завтраком нужного психа, и он в красках рассказывал Алексею все то, что творилось за стенами некоторых палат под покровами ночи и заговора молчания.

Впрочем, Алексей и без подсказок знал куда больше, чем ему бы того хотелось. Достаточно было обратить внимание на то, какими сальными взглядами один из санитаров провожал пациенток.

А еще были глаза Юджина, полные неподдельной тревогой и заботой. Было знание, что тот слишком часто не спал ночами (и дело тут было не только в пациентах), были тревожные звонки на телефон и горькие морщинки в уголках его красивых губ. И Леша предпочитал молчать, не тревожить своего друга-врача (и что-то большее?) понапрасну. Воспринимая часы «индивидуальных занятий», как мгновения радости посреди серых безнадежных будней. Не смея просить чего-то большего.

Тем более что занятия действительно помогали.

Юджин учил его справляться с собственной силой, как он сам называл галлюцинации. Управлять ею, закрываться от навязчивых слов и строк, прогоняя их прочь тогда, когда они были не нужны. И вызывая что-то конкретное, если появлялась необходимость.

Обучение шло трудно, хотя Леша старался. Ему мешало понимание, что все это волшебство – всего лишь иллюзия, плод его больного воображения. И у Юджина пока не получалось объяснить, что это на самом деле. В первую очередь от того, что он всегда что-то недоговаривал, словно пытался уберечь Алексея от какой-то неприятной истины.

Леша не спрашивал лишнего, доверяя лечащему врачу безгранично и оставляя за ним право даже лгать. Только бы была возможность в любой момент сбежать из палаты в светлый кабинет и отлежаться на диване, спрятавшись от всего мира под теплым пледом.

Только все большее и страшнее было каждый раз возвращаться в пропахшие безумием и отчаянием коридоры. Все труднее засыпать в одиночестве в гулкой пустой палате, на жесткой койке, скрипящей от каждого движения и даже порой без него. И все тревожнее прислушиваться к шагам санитаров за хлипкой дверью, гадая, не решат ли они зайти к нему именно сегодня.

Леша ненавидел ночь.

– Они придут. Они придут за мной, – шептал Алексей сквозь слезы, не замечая, что давно уже проговаривал все свои страхи и мысли вслух, сбиваясь и захлебываясь.

Он скулил и прятал лицо на груди Юджина. Он плакал и отчаянно просил друга не оставлять его, не покидать его, не... Теплые руки успокаивали, вытирали со лба холодный пот, усмиряли напряженные мышцы прикосновением.

Алексей затихал в кольце этих рук, позволяя препаратам завершить свою работу.

– Так, – сказал Юджин, укладывая задремавшего пациента на диван и укрывая пледом. – Пора тебя выписывать.

Глава 7

Для Алексея прошло время. Время, когда стены наваливались, а ударные дозы лекарств забирали у него все, оставляя звонкую пустоту. Он почти привык, он почти научился не замечать ни колеблющейся реальности, ни монстров за углами и под кроватями. Он научился не плакать, не кричать и не вздрагивать бесконечными ночами. Он приучил себя спокойно пережидать периоды кошмаров и теней, когда Юджина не было рядом, закрываясь от враждебных строк белыми страницами собственного сознания. И радоваться минутам, проведенным с новоприобретенным другом, в его микро-царстве света и покоя.

Он не спрашивал ничего у Юджина, довольствуясь тем, что тот хотел рассказать сам. Друг учил его управлять инфополем, справляться с наплывами слов и, главное – с паникой от этих наплывов. Постепенно у Алексея действительно начало получаться.

– Тебе не нужно учиться, – то и дело повторял Юджин. – Ты умеешь. Это твой дар, Книжник. Тебе просто нужно вспомнить.

– Почему ты называешь меня Книжником? – спрашивал Алексей.

– Расскажу, когда ты выпишешься. Или сам вспомнишь.

Но Алексей не мог вспомнить. Точнее, не хотел.

Казалось, воспоминания пчелиным роем кружили над ним, но он упрямо ставил незримые щиты, защищаясь от... от чего-то страшного и печального. Ему хватало иных горестей, помимо неясных образов, то и дело прорывающихся в его сны.

А потом пришел момент, когда Юджин вывел его под руку из серого здания клиники.

Перед этим он долго о чем-то говорил с главным врачом и прочими коллегами. Показывал какие-то документы, спорил. Все, что Леша смог понять из неясных отголосков, слышимых через неплотно закрытую дверь – это, что его хотят перевести в другую клинику. В другом городе, а может быть, даже в другой стране.

Это показалось настолько невозможным, что Алексею на мгновение почудилось, что пространство коридора снова грозит свернуться обожженной бумагой. Но он испуганно сморгнул, и все встало на свои места.

А Юджин вышел из ординаторской и победно улыбнулся.

У ворот клиники был припаркован черный автомобиль с затемненными окнами. Из приоткрытого окна со стороны водительского сиденья вырывался сигаретный дымок.

Юджин открыл перед Алексеем заднюю дверцу.

Прежде чем сесть, Леша в последний раз оглянулся на психушку. Трехэтажное строение равнодушно смотрело на него темными окнами и показалось на секунду даже заброшенным, нежилым. Домом-призраком, населенным кошмарами. Леша передернул плечами и поспешно забрался в салон, пахнувший кожей, синтетикой и дорогими сигаретами. Юджин сел рядом.

Водитель – широкоплечий массивный мужчина с густой гривой темно-каштановых волос, самую малость не достающих до плеч – затушил сигарету в пепельнице.

– Как все прошло? – спросил не оборачиваясь.

– Прекрасно, – ответил Юджин, приобняв заробевшего Алексея за плечи. – Но советую не задерживаться здесь дольше необходимого.

– Согласен, – хмыкнул мужчина.

Машина тронулась. Выехала на трассу и стремительно набрала скорость.

– Мы едем домой, Леш.

Алексей кивнул, все еще с трудом веря, что палата, санитары и все кошмары остаются позади. Водитель поймал его взгляд через зеркало заднего вида – глаза у него оказались краси-

вого голубого цвета. Редкое сочетание черт показалось Леше смутно знакомым. Так же смутно, как все те воспоминания, что норовили пробиться к нему через тревожные сны.

– Поздравляю с выпиской, Книжник, – в голосе водителя звучала улыбка. – Постарайся впредь так не встречать. А то Лютнист потерял покой и сон, когда тебя там нашел.

– Его зовут Алексей, – напомнил Юджин, вздохнул слегка. – Он еще ничего толком не помнит.

Водитель на мгновение обернулся:

– И меня не помнишь?

Алексей виновато покачал головой.

– Хреново, – заключил мужчина и тут же бодро добавил. – Ничего, прорвемся. Я Мечник.

По паспорту Максим Образцов. Будем знакомы.

– Алексей, – представился Леша.

Леша глубоко вздохнул, стараясь расслабиться и избавиться от желания обернуться.

– Держи, Леш, – Юджин протянул ему смартфон. – Это твой. Пока там только мой номер и номер Меч... Максима.

– Советую оба запомнить наизусть, – снова подал голос водитель.

– Да, – согласно кивнул Юджин. – А то мало ли...

Алексей послушно взглянул на номера. Ряды цифр мгновенно заняли свои места в секторах памяти Книжника, вплелись в узор информационного поля.

Машина продолжала движение с все нарастающей скоростью.

– Предлагаю заскочить в пиццерию, взять по пиву и отметить это дело, – предложил Максим, уверенно держа руль в сильных руках.

– Нет, давай лучше сразу домой, – голос Юджина самую малость скрипел, словно сбились настройки звука. – Леше еще привыкать к нормальной жизни. Лишние стрессы ни к чему. Да, братиш?

Алексей кивнул, думая о том, что он странно бы смотрелся в пиццерии в больничной пижаме и... смирительной рубашке? Он вздрогнул, дернулся, но связанные рукава держали крепко. Правая ладонь продолжала судорожно стискивать смартфон, который вдруг завибрировал противно, зажужжал, словно крупное насекомое.

– Что такое, Леш? Опять накатывает? – Юджин смотрел с тревогой и участием.

Даже Мечник обернулся, игнорируя сумасшедшую скорость движения. Алексей хотел крикнуть ему, чтобы смотрел на дорогу, но пересушенное препаратами горло, вновь ему отказало.

Машина вильнула, вздрогнула всем корпусом. Под колесами зашумел и застучал гравий насыпной дороги, в окнах промелькнули темные сосны. И прямо перед машиной распахнулись кованые ворота психиатрической клиники...

Леша закричал.

И проснулся.

Глава 8

Алексей распахнул глаза и тут же зажмурился, ослепленный светом. Дернулся, все еще чувствуя на себе объятия смирительной рубашки. Из-под тела ушла опора. Он рухнул в пропасть, закричал от ужаса.

Боль в ушибленном локте и отбитом бедре отрезвила быстрее, чем голос перепуганного Эрика:

– Леха, ты чего?!

Алексей открыл глаза и обнаружил себя лежащим на полу в светлой спальне. Простыня, которой они с Эриком укрывались по причине жаркой погоды, крепко спеленала его ноги, прилипла к потному телу.

– С добрым утром, – Эрик ошарашенно глядел на него сверху вниз, сидя на своей половине кровати. – С приземленьцем. Что тебе приснилось? Опять психушка?

Но Леша его почти не слышал. Сон, вопреки обыкновению, не вытерся из памяти, едва только сознание вернулось в реальность. Напротив – дополнительные факты продолжали всплывать, словно открывающиеся детали огромного пазла.

Он поднялся с пола, обернув злополучную простыню вокруг бедер. Пошатнулся слегка от того, что инфополе на мгновение вспучилось объемами данных и цифр. Усилием воли восстановил картинку реальности и зашарил по ней взглядом в поисках телефона.

– Леш? – снова подал голос Эрик, начиная уже всерьез беспокоиться за душевное здоровье приятеля, любовника и одноклассника.

– Да, Эрик, я в порядке, – Алексей неопределенно мотнул головой. – Извини... сон дурной приснился.

Он схватил смартфон (точно такой же, как во сне), вспомнил, что это не его, а как раз таки Эрика. Отмахнулся от мелочей. Пальцы дрожали, промахивались мимо нужных цифр. Леша чертыхался и набирал номер снова, по горячей памяти. И когда наконец удалось – нажал вызов, быстрее, чем скромность и здравый смысл успели его остановить сомнением.

Секунды ожидания ответа растянулись на целую вечность.

– Тебе сделать кофе? – спросил Эрик, неторопливо одеваясь.

Алексей закивал и, сообразив, что никому лучше не слышать тот бред, который он собирался выдать в трубку, сбежал в ванную.

– Эй! – донесся возмущенный вопль Эрика, но Леша уже запер дверь.

– Да? – наконец раздался в телефоне мужской голос.

Тот самый голос. Тот самый.

– Юджин? – спросил Алексей сквозь дрожь. – Юдж... Юджин Владленович?

– Да, это я. А с кем...

– Извините, мы с вами не знакомы. Меня зовут Алексей Грин, – и через мгновение, мучительно сглотнув и зажмурившись, он выдал. – Я – Книжник.

По ту сторону воцарилась тягостная тишина. Алексей ждал, комкая край простыни потевой ладонью и кусая губы. И когда уже совсем собрался сбросить...

– Книжник, – эхом раздалось из трубки. – Я... ты... где ты сейчас? В каком городе? Это ведь российский номер?

– Я в Москве, – Алексей ухватился за край раковины, чтобы удержаться на подкашивающихся ногах.

Увидел в зеркале бледного юношу с лихорадочно блестящими, испуганными глазами.

– Как удачно... я как раз сегодня прилетел в Москву, – голос по ту сторону взволновано подрагивал. – Мы можем встретиться сегодня? Сейчас. Где-нибудь...

– Да! Да, конечно.

На запотевшей плоскости стекла проявилась карта города, высветились предполагаемые маршруты и удобные для встреч места.

Выскакивая из ванной, уже умытый и причесанный Алексей едва не пришиб дверь Эрика. Тот, скорчив недовольную гримасу, протянул ему кружку с кофе.

– Куда-то торопишься?

– Да, – Леша залпом проглотил напиток, не чувствуя вкуса. – Прости. Очень спешу.

– Телефон верни.

– А... да, извини.

Смартфон переключался в руки Эрика. Тот глянул на историю звонков и едва заметно скривился – Алексей почти неосознанно стер номер телефона Юджина сразу, как только закончил разговор.

– И кому ты звонил?

– Да так... – Алексей уже торопливо шнуровал кеды.

– У тебя кто-то другой появился? – Эрик ревниво нахмурился.

– Ой, – Алексей наконец-то посмотрел на него, улыбнулся. – Что за чушь? Нет, конечно.

Прости, я правда очень тороплюсь. Потом вернусь и все тебе расскажу, ладно?

– Ладно, – протянул Эрик, шагнул к выпрямившемуся Леше, поймал за ворот рубашки, притянул к себе.

Поцелуй был жарким, глубоким. И медленным. Эрик не позволил Леше отделаться быстрым чмоком, удержал.

– Беги уже, – фыркнул, отпуская.

Алексей улыбнулся чуть смущенно, но счастливо.

– До вечера, – и скрылся за дверью.

Эрик дождался, когда отшумит за стеной лифт, унося в себе взбудораженного Алексея. Потом вернулся на кухню, сунул пустую кружку из-под кофе в раковину. Взял вторую и прошел в спальню. Набрал номер на смартфоне, даже не глядя на экран.

Произнес сухим деловым тоном, который не вязался с довольной улыбкой на его лице:

– Служебный звонок. Запрос связи с опергруппой. Персональное кодовое слово – «лемур».

И после минутного ожидания скомандовал:

– Предоставить отчет.

– За прошедшие двенадцать часов никаких происшествий, – из трубки послышался голос молодого дежурного. – Наблюдались незначительные перемещения в районах, захваченных противником. Подробное описание их дислокации предоставлено в электронном варианте. Столкновений не произошло. Запланированные вылазки проведены в штатном режиме. Потерь нет.

Эрик сделал глоток ароматного кофе, слушая сводку.

– Так же, Попугай сообщил, что сегодня, в семь тридцать пять по московскому времени, самолет с Лютнистом приземлился в аэропорту Домодедово.

– Продолжайте наблюдение, ждите дальнейших указаний. Будем прорабатывать операцию по захвату.

Через секунду раздался ответ:

– Есть, продолжать наблюдение. До связи.

Солнце пробивалось сквозь тонкие шторы, затапливая спальню теплом. Эрик улыбнулся светилу, по-кошачьи щури глаза. Допил кофе.

День обещал быть удачным.

Глава 9

«Шоколадница» на Краснопрудной оказалась битком забита народом. Леша заозирался на пороге, выискивая знакомое лицо, надеясь, что Юджин в реальности выглядит так же, как и во сне. И вздрогнул, столкнувшись с внимательным взглядом голубых глаз.

Мечник?

Да – это был он. Те же черты лица, тот же цвет волос. Даже, кажется, та же кожаная куртка на широких плечах. Алексей шагнул навстречу мужчине, улыбнулся приветливо и обрадованно. Действительно, если Юджин оказался правдой, то почему бы не существовать и Максиму?

Похоже, Мечник не ожидал такого поворота событий. Взгляд его из пристального сделался несколько растерянным. Леша замедлил шаг, миготом теряя всю уверенность – они ведь не знакомы совершенно. Что сказать?

– Алеша? – знакомо-незнакомый голос раздался сбоку.

Леша обернулся и облегченно выдохнул, возвращая на лицо улыбку.

– Юджин?

Мужчина махнул ему из угла приглашающим жестом, улыбнулся в ответ. Леша мгновенно оказался рядом. И вспомнил об оставленном Максиме, только когда уже усаживался напротив.

– А... – обернувшись, Алексей заметил, что Мечник поднимается, собираясь пересечь.

– Как ты нас нашел? – Юджин перехватил взгляд Леша и явно понял, что Максим тоже был узнан.

– Я... это прозвучит как бред, – Алексей заранее смутился.

– Я догадываюсь, – улыбка Юджина была точно такой же, как во сне: открытой, теплой, поддерживающей.

Алексей дождался, пока Максим подвинет стул и усядется, поставив свой бокал с молочным коктейлем ровно между ним и Юджином. Ростом Мечник оказался весьма велик – никак не меньше двух метров. Хотя, сидя за столиком, как-то умудрялся это скрывать. Только колени не помещались, поэтому он сел боком, заодно ненавязчиво перегородив Алексею путь к отступлению.

– Ты звонил со своего номера? – спросил, поигрывая десертной ложечкой.

– А? – Леша машинально достал телефон из кармана, хотя его никто об этом не просил. – Д... Нет. От Эрика – от друга.

И добавил торопливо, заметив, что Максим хмурится:

– Но я сразу удалил ваш номер.

– Толку-то, – буркнул Мечник, делая глоток через трубочку и сканируя взглядом пространство кофейни и улицы за окном.

Юджин тяжело вздохнул, достал свой смартфон и без лишних слов вручил его Мечнику. Тот вынул симку, легко сломал ее и одну половинку щелчком отправил куда-то на пол кофейни, а вторую положил себе в карман. Туда же отправилась батарея от телефона Лютниста. Леша молча наблюдал за всеми махинациями, все еще думая о том, что происходящее похоже на какой-то фильм в жанре арт-хаус, но никак не на нормальную жизнь.

– Так как ты нас нашел? – напомнил о себе Юджин, с явным сожалением убирая распрошенный смартфон. – Кто тебе дал мой номер?

Алексей слегка замялся. Правда сейчас выглядела слишком нереальной, чтобы вот так сходу ее вываливать. Но... не врать же им, в самом деле. Кто знает, может быть и, правда поверят?

– Ваш номер, – Алексей нервно облизнул губы. – Его дали мне вы.

Мечник приподнял брови и вопросительно воззрился на Юджина. Тот в свою очередь тоже крайне удивился:

– Я не помню...

– Вы мне приснились, – выдохнул Леша, опережая дальнейшие вопросы. – Сегодня ночью. И во сне дали два номера телефона. Ваши номера.

Мужчины переглянулись.

– Вот так вот взяли и приснились? – спросил Мечник, скептически шурясь.

– Ну, да, – Леша начинал чувствовать себя неудобно. – Мне часто снился один кошмар... и сегодня ночью в нем были вы.

– А что за кошмар? – продолжил допрос Максим.

Алексей медлил с ответом, он не любил распространяться о своих снах. Даже Эрику рассказывал далеко не все, хотя друг был в курсе многих его неприятностей.

– Я не думаю, что это имеет значение, – пришел ему на помощь Юджин. – В конце концов, нам всем иногда снятся кошмары. Но. Ты ведь не просто так решил позвонить по пришедшему номеру? Я прав?

«Ты ему веришь?», – прозвучали в пространстве золотисто-алые, тревожные слова Мечника.

«Верю», – вторили им мерцающие солнечными зайчиками слова Лютниста: «Это ведь мой брат».

– Я вас слышу, – сказал Алексей более напряженно, чем ему хотелось бы.

Юджин вздрогнул, Максим даже бровью не повел.

– Слышишь, значит. Интересно. Что ты еще умеешь кроме подслушивания мыслей и вычисления контактов посредством сновидений?

– Да я... ничего толком, – Алексей пожал плечами.

Улыбнулся подошедшей официантке, ткнул в меню почти не глядя. Собеседники дождались, пока девушка примет заказ и удалится.

– Ты назвал себя Книжником, – напомнил Юджин. – Это тоже я тебе сказал?

– Да.

– А я объяснил, что это значит? Или может, ты сам что-то знаешь?

– Нет, не объяснили. И сам я не успел разобраться. Я только..., наверное, это как-то связано с моей... моим... – Алексей закусил губу, пытаясь подобрать формулировку.

Про себя он привык называть свои способности «шизой» и «глюками». Собственно, до сегодняшнего утра ничем иным они и не были – ведь именно из-за них Алексей загремел в дурку. Загремел на самом деле. Конечно, не так трагично и страшно, как это представлялось в кошмарах, но даже той пары недель в пустой палате ему хватило. После того, как Эрик вытащил его, воспользовавшись какими-то своими связями, и выходил, Алексей решил не поддаваться своему безумию, научиться справляться с ним. У него даже кое-что получалось; по крайней мере, приступы были уже не такими внезапными и сильными.

Это было непросто. Но постепенно, Алексей приходил в себя. Сначала смог выйти на улицу. Потом восстановился в институте. Благо, обошлось без взяток – факультету не хотелось терять столь способного студента, а причину академического отпуска практически никто не знал. Только порой вскрикивал по ночам. Но Эрик был рядом. Он всегда был рядом.

– Ты умеешь что-то кроме телепатии? – подсказал осторожно Юджин.

Леша посмотрел на него едва ли не жалобно.

– А вы... мне поверите?

Максим хмыкнул:

– Тут дело не в вере. Мы для себя уже все узнали и все решили. И теперь пытаемся понять, что знаешь ты. И что решишь.

Леша кивнул. Поблагодарил официантку, принесшую кофе. Выдохнул.

– Я раньше... еще в детстве, сочинял странные истории. О том, как светлые воины вступили в бой с великим Злом, в образе бесчисленных паучьих полчищ и прочих тварей. Мама считала, что у меня необычайно богатая фантазия. И сейчас я вспоминаю, что там – в этих историях – был Книжник и Мечник, и Лютнист... и многие еще.

Он фыркнул, вспоминая бесконечные рисунки, детские рассказы, записанные на листах в клеточку, аккуратным почерком. Даже баллады.

– Это не фантазии, – мягко возразил Юджин, медленно помешивая кофе в собственной чашке. – Это наше прошлое. И настоящее.

Алексей смотрел на них – двоих взрослых людей, о которых не имел ни малейшего понятия до момента, когда нажал вызов на телефоне. Людей, говорящих о том, что его «шиза», его безумие, его разыгравшееся воображение – все это реально. Это было настолько фантастично, что здравый смысл тормозил и сдавался без боя. Все воспринималось, как само собой разумеющееся.

– Настоящее?

– А ты думаешь, почему мы вспоминаем наши прошлые жизни сейчас?

– Прошлые жизни? – Леша нервно потер висок. – Хотите сказать, что Книжник действительно существовал?

– Мы все уже жили, – кивнул Юджин.

Мечник многозначительно молчал, приканчивая коктейль.

– И почему же? – Алексей безотчетно перешел на шепот, чувствуя себя персонажем комикса или фэнтезийной книги.

Юджин дотянулся, тронул его ладони, словно пытался обозначить свою осязаемость и реальность.

– Война продолжается, Леш. Наш мир все еще в опасности.

Алексей удивленно моргнул. Хотел было улыбнуться этой шутке, но Юджин смотрел серьезно, Максим – еще серьезней. А в памяти неожиданно ярко вспыхнули образы обугленных стен морга, букв, спускающихся с небес, и тела мертвой девушки, погибшей при неясных обстоятельствах. Леша вздрогнул всем телом, отдернув руки от чашки и от Юджина.

– Леша? – позвал Лютнист, заметив, что Книжник стремительно бледнеет. С трудом поймал его мечущийся взгляд. – Что такое?

– С-слова, – прошептал Алексей сдавленно, еле сдерживаясь, чтобы не начать панически отряхиваться от наползающих отовсюду строк.

Максим мигом подобрался, подался вперед, поймал ладони Леша, чуть сжал.

– Не бойся, – произнес весомо и спокойно. – Это твоя сила, Книжник. Ты сам можешь это прекратить, когда захочешь.

Леша удивленно воззрился на мужчину... и увидел. Сквозь образ обычного парня, сквозь кожаную куртку, синюю футболку с геометрическим каким-то принтом, зачесанную назад гриву волос и голубизну взгляда проступил совершенно другой Максим. *Нет – Мечник. Богородный принц с тонким венцом на челе и сияющим мечом в сильных руках. Откуда-то, из невозможной дали, донеслись отголоски знакомой музыки и шум битвы, лязг мечей.*

Алексей охнул, чувствуя под пальцами шероховатость пергамента – страницы самой Книги Жизни ложились в ладони. Информационное пространство распахивалось навстречу, раскрывалось пестрым цветком, обнажая бесконечные потоки знания. «Не бойся», – вновь прозвучали голоса собеседников, светлой мелодией отозвавшись в сердце Книжника.

Он протянул ладонь и тронул ближайшую строку. Не понадобилось даже читать – информация вспыхнула, рельефно проявившись на фоне всех иных потоков. Кошачьи следы под окном кофейни, порода и кличка их обладателя, рецептурный состав кофе и коктейля, новости, зазвучавшие из отключенного телевизора, ноты песни, доносящейся из колонок, цвет и номер шумящей на улице машины, технические характеристики модели...

– Я не боюсь, – выдохнул Алексей, любуясь потоками и волнами, строками, знаками – знанием.

Улыбнулся своему старшему брату по прошлой жизни, принцу, прозванному Лютнистом. Тот улыбнулся в ответ.

Но его облик стал мерцать и, вместе с тем, накатила слабость. Затылок похолодел, онемело лицо и кончики задрожавших пальцев. Леша едва успел ухватиться за столешницу, начал оседать со стула. Максим подхватил его, прикрыв широкой спиной от посторонних взглядов.

Помог восстановить сидячее положение и опереться о столик. Сунул под нос почти пустой бокал с все еще холодным сладким молоком. Юджин с тревогой ловил взгляд Леша.

– Как ты? – спросил и осторожно улыбнулся. – Теперь веришь?

Алексей послушно сделал глоток, проморгался.

Образ светловолосого принца еще не погас до конца. Но изменился на краткий миг, достаточный для того, чтобы Книжник увидел и вспомнил – мертвое лицо, корку запекшейся крови, бурую рванину одежд вместо доспехов. Лязг мечей, собственный отчаянный крик, город в огне...

«Мы умерли тогда. Мы все погибли в тех боях, отстаивая наши города с оружием в руках и песнями на устах. Мы были светом и добром, мы видели Зло воочию. И пали один за другим под ударами их армий. Мы... победили?»

– Верю, – выдавил Алексей, сквозь подступающие слезы. – Верю...

Максим вздохнул, прижимая голову плачущего Леша к плечу. Чуть укачивал, утешая, пока Юджин доставал салфетки. Оба молчали, интуитивно почувствовав, что память не была милосердна к Книжнику.

Глава 10

Едва Алексей худо-бедно успокоился, Мечник тут же предложил сменить дислокацию, а заодно продолжить разговор в более приватной обстановке. Юджин поддержал идею и даже развил ее, загоревшись желанием показать и объяснить нечто, только что объявившемуся брату, прямо «на месте». Леша не нашел причин для отказа, сейчас он был готов идти за Лютнистом хоть на край света. В голове все еще с трудом укладывался тот факт, что его сны вдруг обрели плоть и кровь.

Втроем они вышли и «Шоколадницы», и Леша мгновенно узнал автомобиль, на котором во сне пытался выехать из проклятой психушки. Пиликанье отключающейся сигнализации в руках Максима подтвердило догадку.

– Юдж, сядь за руль, а? – попросил Мечник, нарочито устало поводя шеей. – Что-то я устал. А мы на заднем с Книжником пообщаемся.

– Без проблем, – Лютнист взял ключи. – Алеша, садись.

Леша поймал себя на смутном боязливом чувстве. В душе все еще сохранялись крупницы ночного кошмара. А еще, совершенно не к месту, в голове всплыла мысль о том, что мама учила не садиться в машины с незнакомыми людьми. Как бы глупо и смешно она не звучала, но на мгновение Алексей засомневался в правильности своих действий. А через секунду Мечник открыл перед ним заднюю дверцу, и Леша нырнул в салон, словно в кроличью нору.

– Куда мы сначала? – спросил Юджин, поворачивая ключ зажигания.

– Давай по центру покатаемся. А потом, если все сложится – домой, – непонятно решил Максим.

Машина тронулась.

– Алеша, пристегнись, пожалуйста, – попросил Лютнист не оборачиваясь.

Несколько минут ехали молча.

– Итак, – Мечник достал сигареты, приоткрыл боковое окно и закурил. – Толком ты, Книжник, ничего не помнишь. Даже о том, кто ты, рассказал тебе Лютнист во сне. Так?

– Да, – кивнул Леша. – Юджин Владле...

– Давай на «ты», – попросил Лютнист, и Алексей поймал его теплый взгляд в зеркале заднего вида. – И у нас принято использовать наши прошлые прозвища.

– У нас?

– Ты же не думаешь, что из всей великой армии Королевства переродились только мы трое? – усмехнулся Мечник.

Алексей пожал плечами. Еще вчерашним вечером он и мечтать не смел о том, что его безумие может разделить хотя бы одна живая душа. Где уж тут думать о целой армии светлых сил? Леша потер виски, силясь собраться с мыслями. Его не торопили, явно ожидая вопросов.

– Вы сказали, – решил он задать самый важный из них. – Что война продолжается.

– Да, – кивнул Мечник, глядя в окно.

– Это значит, что пауки... они тоже? Переродились?

– Один паук, – ответил Юджин. – Всего один.

– Но, к сожалению, этого оказалось достаточно, – поддержал его Максим. – Мало того, эта тварь очнулась, кажется, раньше нас всех, вместе взятых. И к тому моменту, как мы с Лютнистом осознали себя истинных – Паук уже успел широко раскинуть свои сети по миру. И даже привлечь на свою сторону кое-кого из светлых.

Он резко обернулся и впился цепким взглядом в лицо Алексея. Словно просканировал. Леша почти физически почувствовал давление в области переносицы и висков. Видимость на мгновение подернулась странной бордовой дымкой, а тело стало тяжелым и ленивым.

– Теперь ты понимаешь, почему мы так осторожничаем? – спросил Мечник. – Даже бывший брат может оказаться приспешником Паука.

Леша кивнул, ощущая, как растекается по сиденью. Душное багровое облако обволакивало его сознание. Максим что-то говорил, наполнял пространство внутри машины своими вескими, тяжелыми смыслами. Книжник прикрыл на мгновение глаза и тут же увидел целую тучу массивных слов. Они зарождались внутри Мечника и устремлялись прямо в Лешину голову, пытаясь заполнить ее, вытеснить все остальные слова и смыслы, выстроить все в своем порядке. «Верь мне, – вбивалось, упруго вталкивалось в мысли Книжника: признай меня, иди за мной, только за мной, встань под мой стяг, подчинись, покорись, ты мой!» И само существо Алексея было уже готово подчиниться, отдаться этому багровому, жарко-удушающему захвату. Но в висках комариным писком начали зарождаться собственные слова. Те самые строки и символы, что неотступно преследовали Книжника повсюду. Их писк и шорох стремительно нарастал. И через мгновение, в тучный багрянец впились белые потоки, пронзили его, принялись кромсать, словно клинки. Облако явно не ожидало сопротивления. Оно дрогнуло, сжалось и распалось, оставив после себя лишь зыбкий дымок и неясные отголоски слов, которые тут же забылись. А потоки внутренних строк Книжника выстроились в его сознание щитами. Белоснежными, словно нетронутые письмом листы бумаги. Их звон оборвался так резко, что Алексей вздрогнул всем телом. И очнулся.

Он вдохнул так глубоко, что подавился воздухом, закашлялся. Из глаз брызнули слезы.

– Алеша, ты в порядке? Что такое? – воспользовавшись остановкой на светофоре, Юджин обернулся.

Книжник с трудом выпрямился и взглянул на собеседников поочередно. Лицо Лютниста выражало лишь искреннее беспокойство. Он явно ничего не заметил. Мечник же смотрел на Алексея через маску равнодушия. Сквозь которую Книжник легко считал удивление – его выдавали напрягшиеся скулы и недобрый прищур голубых глаз.

– Какого черта? – прошептал Леша, все еще хватая порции воздуха ртом.

– Извини, – обронил Максим и выкинул окурочок в окно. – Стандартная проверка. Я должен был убедиться в том, что ты не подвергался никакому психологическому воздействию. Наш враг мастер в вопросе психопрограммирования.

«Он врёт, – отчетливо понял Алексей, все еще закрываясь от мира внутренним щитом: как минимум недоговаривает».

– А нельзя было просто спросить?

– Нельзя, – в голосе Юджина было столько искреннего раскаяния, что Леша мгновенно успокоился. – Ты мог не помнить даже, что когда-либо встречался с Пауком. Мечник умеет проникать в сознание, находить и ломать любые блокировки и чуждые системы. Правда делает это не слишком деликатно, как видишь.

– Ситуация нестандартная, – заявил Максим в ответ на укоризненный взгляд Лютниста. – Не до деликатности.

Алексей решил счесть эти слова попыткой извиниться. В конце концов, у этих людей видимо действительно были причины для столь кардинальных мер. Он сделал еще пару вдохов и улыбнулся Юджину:

– Все в порядке. Я понимаю.

На самом деле, ничего он не понимал и не хотел понимать. Но Леша четко осознал предоставляемый ему выбор: принять сейчас правила игры и остаться или уйти и навсегда потерять едва обретенное чудо. Хотя оно с каждой минутой приобретало все более сомнительный вид. Все равно, рядом с этими людьми Книжник хотя бы переставал чувствовать себя сумасшедшим. Обретал какую-то значимость в собственных глазах.

Юджин улыбнулся в ответ, словно огладив Лешу бархатисто-мягким взглядом. Как раз зажегся зеленый, и они поехали дальше. Мечник закурил новую. Леше тоже мучительно хоте-

лось курить, но он все еще не мог даже посмотреть в сторону того, кто так бесцеремонно влез к нему в голову.

Машина мягко скользила по дороге, приближаясь к центру делового района.

– Смотри, – позвал Максим, и Алексей вынужден был взглянуть в его сторону. – Знаешь, что это?

За окном проплывал огромный комплекс высотных зданий в стиле хай-тек.

– Знаю. Это офисы «GNS». «Корпорация Новый Символ» – одна из ведущих корпораций мира в области медицины и развития новейших технологий. Ее филиалы расположены во всех крупных городах...

– «Die Gesellschaft das Neue Symbol», – произнес Мечник на плохом немецком. – Мы расшифровываем эту аббревиатуру иначе: Die Gesellschaft das Netz der Spinne.

– «Корпорация Сеть Паука», – перевел Алексей, воспользовавшись подсказкой из строк, проплывающих в поле бокового зрения. – Вы думаете...?

– Мы знаем наверняка, – оборвал Максим. – Паук – глава «GNS». Уроженец Берлина. Переехал в Россию около десяти лет назад со своими проектами. Выстроил здесь стремительную карьеру, воздвиг эту крепость. И потихоньку протягивает свои лапы по всему миру.

Машина объезжала здание по кольцу. Алексей вновь выглянул в окно. Глядя на стекло-стальные стены, он подумал, что оно действительно похоже на непреступную крепость. В которой, невидимое никому, созревало Зло.

Алексей сглотнул, переживая внезапный приступ багровой головной боли и бессильной ярости. Ладонь запульсировала, словно в ней на мгновение задрожала рукоять меча. Захотелось выскочить из машины и броситься в бой, смести охрану на входе, пробиться внутрь, достичь кабинета главы...

Шорох белых листов отрезвил Книжника. Что за кровавый бред сейчас бился в его голове? Леша поймал на себе хмурый взгляд Мечника и торопливо произнес:

– Мы должны его остановить!

– Правильно, – едва заметно улыбнулся Мечник. – И мы это сделаем.

Алексей кивнул. Но тут же нахмурился. Кадры из прошлого, подсвеченные то золотом, то багрянцем, замелькали перед его внутренним взором. И породили новые вопросы.

– Как он может быть пауком? Я... кажется, помню – они были огромными черными тварями, выше человеческого роста. А сейчас...

– Что-то позволило ему переродиться в человеческом облике, – тут же отозвался Юджин. – Либо его истинная сущность скрывается где-то. А тот Паук, которого мы знаем – всего лишь его марионетка, очередная жертва. В прошлом они тоже умели подчинять себе слабые разумы.

– Но..., – Леша зябко поежился. – Если он уже так развился. Если настолько опередил нас. Что мы можем ему сопоставить?

Мечник усмехнулся:

– Ты удивишься, когда узнаешь, как много мы можем на самом деле. Повторюсь – нас много, а Паук один. Все, кто ему служат, всего лишь наемники. А наша армия – это братство светлых сердец. Это единство. Это вера в добро и верность Королевству!

Сердце Книжника забилося в унисон с зычным уверенным голосом Мечника. Но Алексей вдруг вспомнил безымянную девушку на холодном столе морга и ужаснулся:

– То есть, вы собираетесь развязать настоящую войну? Прямо на улицах города?

– Война уже ведется! – воскликнул Мечник. – Да! Прямо на этих улицах!

– Как? – опешил Леша.

– Покажи ему, – не то попросил, не то приказал Мечник Лютнисту.

– Ты уверен? – отозвался тот. – Мы слишком близко к Паутине.

– Сворачивай к парку. Там полно нейтральных участков. И Паутина слабая.

- Узор там тоже слабый, – проворчал Юджин, но перестроился в боковой ряд.
- Куда мы? – растерялся Алексей.

Ему не ответили.

Машина действительно свернула к парку и едва заметно увеличила скорость.

- Смотри, Книжник.

Алексей взглянул и вздрогнул, от неясного озноба пробежавшего по всему телу. Небо за окном резко нахмурилось, словно невидимой кнопкой всему миру уменьшили цветность и пригасили свет.

- Что случилось?
- Мы выехали на Изнанку, – ответил Мечник.
- Что? Куда?
- Хватит с вас, – напряженно заявил Лютнист.

И тут же Леше резануло по глазам солнечным светом. А когда он проморгался, то заметил еще одну странность:

- Люди. Только что здесь никого не было.
- Точно подмечено, – кивнул Максим. – Люди не могут пройти на уровень Изнанки. А мы можем. Так же, как и прислужники Паука. Которому, как и нам, ни к чему публичность наших разборок. Поэтому, все стычки происходят на Изнанке.

– А после, вы маскируете гибель в бою под несчастные случаи и автомобильные аварии, – пробормотал Алексей.

- Именно, – подтвердил помрачневший Мечник.

Книжник какое-то время молчал, разглядывая проплывающие мимо городские пейзажи. В его сознании, в сознании мирного обывателя, мысль о войне, бушующей буквально у него под носом, никак не желала уложиться. Она казалась слишком дикой, слишком нереальной. Еще более нереальной, чем звонок на приснившийся номер или чтение мыслей – это было уже чересчур.

Алексей потер пальцами ноющие виски. Стоило увести разговор на иную, менее болезненную тему.

- Я понимаю, почему скрывается Паук. Но почему мы не можем открыться людям?

Юджин печально вздохнул.

– Потому что, на данном этапе, нам никто не поверит. У Паука огромное влияние, высочайший авторитет, он уважаемый человек в высоких кругах. И у нас пока нет доказательств, способных перетянуть чашу весов на нашу сторону. Все-таки, кое в чем он нас опережает...

- Но на нашей стороне правда!
- Правда, которая никому не нужна, – отрезал Мечник.
- Не может быть, чтобы нам не поверили. Мы ведь... Раньше люди сражались на нашей стороне.

– Да, потому что мы были их правителями. Легко вести за собой, когда на твоей голове корона! – вспыхнул Максим.

Алексей вздрогнул. Ему показалось, что гневная вспышка адресовалась лично ему. Впрочем, он понимал, что показалось. Максим вызывал в нем робость одним своим ростом.

– Мечник, успокойся, – миролюбиво попросил Лютнист. – Во-первых, мы еще не проиграли войну. А во-вторых, сегодня мы выиграли битву.

Он обернулся, и салон озарился теплым светом его улыбки:

- Сегодня мы нашли нашего брата.

Глава 11

К вечеру они сменили автомобильный салон на кухню Юджиновой квартиры. Леша даже не удивился тому, что, в конце концов, все закончилось пивом и пиццей. Правда, в отличие от предложения приснившегося Мечника – реальная пицца не была куплена в забегаловке по дороге.

Юджин испек ее сам. Крутил тесто, как заправской pizzaiolo и травил бесконечные байки из жизни. В то время как молчаливый Максим крошил колбасу для начинки. Алексею доверили тереть сыр и он, увлекшись, натер целую гору.

За окном как-то неожиданно и до обидного быстро стемнело. Максим предложил вызвать для Алексея такси, но Юджин почти безапелляционно объявил, что его, так счастливо найденный, младший брат сегодня ночует здесь. И Леша не нашел в себе силы отказаться. Тем более что от пива и теплой дружеской атмосферы его бессовестно развезло, и он опасался, что не доберется до своей квартиры без приключений. Да и на глаза Эрику попадаться в таком виде не стоило.

Юджин постелил брату в комнате. И не торопился уходить, даже когда Алексей улегся и по уши замотался в простыню. Он сидел и смотрел с неподдельной ласковой радостью и, чувствуя этот взгляд, хмельной Леша понимал, что отчаянно и бесповоротно влюбляется в Лютниста.

«Если он меня поцелует сейчас», – промелькнула в голове Алексея шальная и абсурдная мысль, которую он даже не успел додумать до конца. Потому что Юджин вдруг наклонился и легко коснулся губами его лба. Сердце в груди Алексея сделало кульбит, а от горящих щек, кажется, стало светлее в комнате.

– Я рад, что ты здесь, – произнес Юджин.

Поправил край простыни, почему-то игнорируя оглушительный перестук Лешиного сердца, и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Алексей смог выдохнуть.

И тут же вновь невольно затаил дыхание, потому что с кухни донесся голос Максима:

– Ты доверяешь ему, – это прозвучало едва ли не укором.

Юджин ответил что-то, судя по всему утвердительно.

Алексей напрягся, вслушался – сон как рукой сняло.

– Ты его видишь впервые в жизни, – буркнул Максим, позвякивая пивными бутылками.

Хлопнула дверца холодильника.

– Когда-то я и тебя впервые видел, – спокойно заметил Юджин.

– Тогда было другое время.

– Да ну?

Шум воды из включенного крана заглушил и без того тихий разговор. Алексей закусил губу, весь превратившись в слух. Почувствовал знакомое покалывание в кончиках пальцев. И понимание, что он владеет способом узнать содержание разговора, выместило собой несмелые доводы совести и некстати всплывшую в памяти фразу о том, что подслушивающий никогда не услышит о себе ничего хорошего.

Стоило лишь прикрыть глаза, позволить покалыванию превратиться в нервные мурашки, разбегающиеся по рукам, расслабить шею.

Тьма под веками замерцала голубыми и золотыми искрами. И спустя мгновение, голос Максима раздался совсем близко, так, что Алексей даже вздрогнул.

– Нам стоит быть осторожнее. В этом городе слишком много пауков, и Алексей может оказаться одним из них.

– Он – мой брат, – голос Юджина звучал напряженно. – Мечник, ты говоришь о моем брате. О Книжнике.

– Пока еще он – Алексей Грин, студент медицинского института.

– Ты же его проверил. Тебе недостаточно? Мечник, только не говори, что ты его не узнал. Пауза Максима прозвучала тяжелой медью.

– Узнал. Вот именно, что я его узнал.

За словами Мечника – грохот битвы и лязг мечей, вой рога, командующего отступление...

Алексей зажмурился, но это не помогло: картина прошлого развернулась перед ним словно потрепанный свиток.

Его под руки выволокли из дворцовой библиотеки. Мечник – с ног до головы покрытый своей и чужой кровью – сунул в ладонь клинок. Меч был тяжел для рук Книжника. С тяжелым лязгом сталь упала на мостовую. Взгляд Мечника был страшен.

– Подними свое оружие, правитель.

За его спиной занимался пожар. Дым и хлопья сажи закрывали небосвод, который вопреки всему оставался пронзительно-синим. Небо было чистым. Что не мешало врагу под этим небом убивать его народ.

– Подними, свое оружие и защищай свой город! – рычал Мечник и, кажется, он уже готов был обрушить собственный легендарный клинок на голову соплеменника.

На Книжника напало оцепенение. Он, наверное, мог бы попытаться объяснить воину, что он должен вернуться в библиотеку. Туда, где висит его собственный меч – подогнанный по руке. Туда, где служащие эвакуируют ценнейшие фолианты, спасают жемчужины науки и культуры, берегают знания и историю своего народа. Туда, где он действительно может принести пользу, а не пасть среди многих, бесполезной жертвой кровожадной войне.

Но чего стоили сейчас эти слова для Мечника, терпящего город и армию? Слова не решали в битвах.

– Книжник! – ревел Мечник. – Подними оружие!

А Книжник развернулся. И побежал.

Он бежал со всех ног, ориентируясь среди дворцовых коридоров по своей абсолютной памяти. Глаза его застилала слезы.

Мечник остался стоять посреди двора, залитого кровью раненых. Он проводил беглеца взглядом полным презрения. И раскаленной стрелой в спину Книжника вонзилось слово – «Трус».

– Нам нужны воины, – произнес Максим и, Алексей понял, что захваченный образами прошлого, большую часть беседы все-таки пропустил.

– Нужны, – вздохнул Юджин. – Но у тебя есть только лютнисты и книжники. Уж извини. Мечник снова долго молчал. Начало казаться, что он так и не ответит Юджину.

Алексей лежал неподвижно, смагивая слезы. Неясный гул вдруг привлек его внимание – вибрировал телефон, извещая о текстовом сообщении. Леша прочел его, даже не пошевелившись в направлении своих вещей.

От Эрика: «Надеюсь у тебя все в порядке. Увидимся завтра. Я соскучился».

Алексей закусил угол подушки, чтобы не зарыдать в голос.

– Лишь бы не было предателей, – наконец тяжело обронил Максим.

Глава 12

Слова о том, что у Мечника есть лишь Книжники и Лютнисты, конечно же были преувеличением. За годы поисков и невидимой для простых обывателей борьбы, Максим успел сколотить небольшую, но крепкую боевую группу. С некоторыми из воинов Алексей вскоре познакомился. И к тайному своему облегчению выяснил, что не все из них всецело разделяют кардинальные взгляды предводителя. По крайней мере, в открытую никто больше не подозревал Лешу в приверженности к паукам.

Впрочем, и без подозрений Книжнику хватало тревог. В первую очередь его беспокоила откровенная незаконность группировки, в которую его приняли под ответственность Юджина и, пока, на испытательный срок. Многие действия новых друзей пахивали терроризмом.

Тем более, что о существовании врага Алексей знал лишь со слов того же Мечника. И хотя Книжник не раз сталкивался с изрядно потрепанными боевиками в квартире Юджина – источник ранений оставался для него неизвестным, а потому – почти иллюзорным. Хотя ему отчаянно хотелось верить Лютнисту. Светлому, открытому парню с добрым взглядом и теплой улыбкой. Хотелось отзываться на его слова, когда тот называл Лешу братом, и отвечать взаимностью.

Они говорили много и часто – обо всем. Благо не только о войнах прошлых и будущих, но и о простой жизни. О беспокоящих Алексея обыденных делах и заботах. О медицине, музыке, общих интересах. Только о своем парне Леша говорить робел и вообще, как-то не представлялось случая признаться Лютнисту в своей ориентации. Да и нужно ли было? Хотя мысли о том, что он невольно утаивает что-то от старшего брата, были неуютными.

Необходимость держать новые знакомства в тайне от Эрика не добавляли Книжнику покоя.

Незаметно подкрававшаяся ворона преобильно клюнула Алексея в щиколотку. Леша взвыл и мысленно обозвал птицу нехорошими словами. И чего ей вздумалось прикопаться именно к нему? И именно сегодня. Алексей отошел, прихрамывая, и уселся на ближайшую лавочку. Юджин опаздывал. Леша ждал его, краем глаза следил за вышагивающей на периферии вороной и все заметнее нервничал, хоть и понимал, что делает это из-за пустяка.

– Извини, – мягко улыбнулся подошедший с другой стороны Юджин. – Еле отвязался от Максима. Он опять хотел приставить ко мне кучу телохранителей. Словно я король Зимбабве какой-нибудь.

Леша улыбнулся, на секунду отведя взгляд от наглой птицы, которая тут же попыталась возобновить атаку. Но в последний момент передумала, отлетела. Леша показал ей кулак. Лютнист весело рассмеялся, Книжник последовал его примеру.

– У тебя тут уже новые знакомые появились?

– Да уж, – Леша фыркнул, похлопал по лавочке, приглашая сесть.

Юджин устало плюхнулся рядом.

– Фух! Жарко сегодня...

– Купить тебе попить?

– Ммм, – Лютнист посмотрел чуть виновато. – Если тебе не сложно.

– Я мигом, – Алексей подорвался, на ходу открывая кошелек и выискивая взглядом ближайшую торговую точку. – Подожди минутку.

Он не заметил, как из-под его пальцев выпорхнуло фото. Упало, прошуршав, на асфальт, рядом с ногой Юджина.

– Хоть целую вечность, – послушно кивнул тот, наклоняясь и подхватывая карточку. – Хотя насчет вечности я, пожалуй, перегибаю...

Он погрузился в изучение изображения.

А Леша умчался к киоску, торгующему прохладительными напитками. Невольно радуясь этой встрече в парке, которая, что уж таить – воспринималась им скорее, как свидание. Вроде бы у него и не было повода так думать – Леша чуть ли не каждый день, так или иначе, встречался с братом после учебы. Но раньше Лютнист не назначал встречи сам, тем более вне своей квартиры. Хотя, он, конечно, воспринимал все иначе и знать не знал о романтических настроениях того, кого он считал братом.

Но все-таки, Леша был взволнован и счастлив.

Его самую малость мучала совесть – он снова утаивал все от Эрика. Хотя вчера еще собирался с духом, чтобы уговорить любимого пойти в парк вместе и представить их с Юджином друг другу. Но тот с утра умотал по своим каким-то очень важным делам и, похоже, не планировал возвращаться до вечера. А значит, задумка Алексея, наконец-то свести вместе две сферы своей жизни, снова проваливалась с тихим треском. Леша, впрочем, не слишком расстроился, а в глубине души даже облегченно выдохнул, радуясь еще одной отсрочке. Однако, рано или поздно, эта встреча должна была состояться.

Вернувшись к лавочке с двумя пластиковыми стаканчиками, Алексей застал брата за разглядыванием фотографии.

– Леш, – Юджин поднял не то смущенный, не то встревоженный взгляд. – Это твой... друг?

Что-то внутри Алексея неприятно сжалось. Он запоздало отругал себя за беспечность, понимая, что сам себя загнал в эту неловкую ситуацию. Давно пора было перестать повсюду носить это фото, вложить его в какой-нибудь фотоальбом и забыть. Хорошо еще, что оно попало в руки Лютниста, а не кого-нибудь из одноклассников.

На снимке их было трое – Леша, Эрик и Васька. За спиной горел разноцветными огнями зал гей-клуба, и в кадр попала даже чья-то задница, обтянутая розовым и блестящим. Все они были пьяны и веселы. Васька, кем-то отвлеченный, смотрел в сторону. А Эрик, похабно жмуря крашенные глаза, с чувством целовал смеющегося Лешу в щеку.

Из всех их совместных фотографий, эта, пожалуй, была самой откровенной.

– Это мой парень, – кивнул Алексей, понимая всю бессмысленность и неприглядность лжи.

Вот так.

На лице Юджина, одна за другой, промелькнули сразу несколько плохо различимых эмоций (удивление? тревога? разочарование? смущение?). После чего он вновь опустил взгляд к карточке и, кажется бездумно, обвел указательным пальцем лицо Эрика.

– Какой у него тяжелый взгляд, – произнес он задумчиво и чуть напряженно. – Как прицел.

Алексей, вздрогнул – оценка брата прозвучала осуждающим приговором.

– Мне нравится, – Леша попытался равнодушно пожать плечами, но движение получилось нервным и резким.

Газировка плеснула на пальцы, Алексей сдавленно чертыхнулся.

Юджин поджал губы, продолжая рассматривать фото и все больше хмуриться. Трудно было понять, что больше ему не понравилось: нетрадиционность брата или его выбор партнера.

– И давно вы вместе? – спросил Лютнист, наконец, подняв взгляд.

Алексеем стало неприятно. Он плохо представлял себе реакцию Юджина на эту информацию, но точно не ожидал допроса. Впервые ему захотелось защититься от этого человека.

– Достаточно, – буркнул Леша, кивком головы напоминая о лимонаде, теряющем пузырьки.

– Прости, я, похоже, говорю, как Мечник, – на мгновение Лютнист улыбнулся своей прежней теплой улыбкой.

Он вернул фотографию, обменяв ее на один из стаканчиков. Леша поспешно сунул карточку в карман и заставил себя улыбнуться в ответ:

– Все в порядке.

Он уселся на лавочку. Юджин одним глотком уполовинил содержимое своего стаканчика. Вздыхнул, не то облегченно, не то встревоженно. Спустя минуту, прошедшую в неловком молчании, Алексей понял, что разговор не клеится.

– Это так много меняет? – спросил он напряженно.

– Что? – Юджин едва не вздрогнул, вырванный из потока мыслей.

– Моя ориентация так много меняет? – повторил Книжник вопрос, чувствуя предательскую дрожь в ладонях и в голосе.

– Леш, – Лютнист виновато улыбнулся. – Дело не в этом. Просто твой парень... ты хорошо его знаешь?

– Лучше, чем тебя, – фраза получилась резкой, но виноватость во взгляде брата провоцировала.

– Ты ему доверяешь?

– Если тебе интересно, хочу ли я с ним состариться и уверен ли я, что желаю связать свою жизнь с человеком моего пола, то да – я уверен и хочу. По крайней мере, сейчас. Мы с Эриком любим друг друга, мы через многое прошли вместе, и я могу на него положиться.

Тирада получилась немного пафосной, но Леше было не до изящности слога.

– Ты знаешь, где он сейчас? – спросил Юджин напряженно, зачем-то осматриваясь по сторонам.

Прочувственную речь Алексея он словно вовсе не услышал. Это и то, что Леша действительно не знал, где носит Эрика сейчас, разозлило его окончательно.

– Это не твое дело, Юджин!

Лютнист наконец-то посмотрел на него.

– Леш... да какая разница, кого ты любишь или с кем спишь? Я спрашиваю не из праздного любопытства. Ты же знаешь, что мы стоим на краю войны...

– А пидорасов, как известно, в армию не берут, – отрезал Алексей. – Представляю, что скажет Мечник, когда узнает.

Юджин вздохнул и поднялся. Поискал глазами мусорку – не нашел, поставил свой стаканчик на сиденье лавочки.

– Знаешь, Леш, я пойду, пожалуй. Ты сейчас взволнован и расстроен, поговорим позже, когда успокоишься.

– А еще есть, о чем говорить? – спросил Леша, с отчаянием понимая, как сильно дрожит голос и как жалко он, наверное, выглядит сейчас.

– Я надеюсь, – кивнул Лютнист.

И пошел по аллее, печально опустив плечи.

Оставшись наедине с двумя стаканчиками, Алексей шмыгнул носом и зло потер глаза, вытирая слезы детской обиды. Заметил, что на одной из кед развязались шнурки. Не иначе как та самая ворона постаралась. Он слышал затихающий звук шагов Юджина. И запоздало почувствовал стыд перед братом.

Может быть он, действительно, все неправильно понял?

Захотелось догнать Лютниста и извиниться. Леша даже встал, но тут услышал, как его кто-то окликает, с другой стороны аллеи. Сердце испуганно вздрогнуло. Ему на секунду показалось, что это был голос Юджина, который вернулся, чтобы дать ему второй шанс. Но нет – оклик прозвучал из противоположного конца тропинки.

Книжник обернулся.

– Привет, – улыбнулся Эрик, издали махнув ему рукой. – А ты что тут делаешь? Ты... плачешь? Что-то случилось?

– Нет... это я так, – машинально ответил Леша, оглядываясь и отстраненно удивляясь тому, как быстро Лютнист ушел.

– Кто тебя обидел? – спросил Эрик, подходя совсем близко.

– Никто, – Леша запоздало попытался спрятать от него мокрые глаза.

– Точно? А кто это был с тобой?

– Юджин. Это мой... друг. Я хотел вас познакомить, да все повода не было. И сейчас у него дела срочные, поэтому он ушел.

Леша замолчал, раздумывая, не слишком ли подозрительно прозвучали его слова для достаточно ревнивого Эрика. И испуганно вскрикнул, когда почувствовал на плече неожиданную, болезненно-стальную хватку.

– Как ушел? – выдохнул Эрик.

Расслабленность и беспечная улыбка слетели с него словно шелуха, обнажив иного, совершенно незнакомого Алексею человека. С пронзительным, словно оптический прицел, взглядом.

– Блядство! – этот новый Эрик дернул растерянного Книжника на себя и поволок вдоль аллеи. – Быстро уходим, Лешка. Сейчас здесь будет жарко.

– Эрик, что проис... – Леша от рывка полетел, едва ли не кубарем.

Развязанная кеда слетела с ноги и осталась сиротливо лежать под лавочкой. Стаканчик опрокинулся, оставляя на коленях мокрое пятно. Эрик на бегу достал из кармана телефон.

– Эр... – попытался Алексей снова, но любовник зло шикнул на него, заставляя молчать.

– Лемур вызывает скорую! Лемур вызывает скорую! – закричал он в свой смартфон. – Скорая, мы теряем пациента! Мы теряем пациента, мать вашу! Ааа, бля, ебанные «глушилки»!

Телефон судя по всему не отвечал. Эрик сунул его обратно в карман. Следующим предметом, оказавшимся в его руке, был пистолет. Алексей от неожиданности и испуга на мгновение провалился в информационное пространство. Узнал, что видит перед собой самозарядный пистолет ГШ-18, пули которого пробивают восьмимиллиметровую сталь с расстояния десяти метров. Эта информация оптимизма Книжнику не прибавила.

Заметив наконец ошарашенные глаза Лешы, Эрик притянул его к себе за ворот и накрыл жадным поцелуем.

– Не ссы, Леш, прорвемся, – выдохнул в губы.

Слова его чуть заглушил грохот многих пар армейских ботинок. Эрик шагнул вперед, ухватив Лешу за ворот рубашки и волоча за собой. Навстречу им бежали какие-то люди в черной форме. Эрик взмахнул рукой с зажатым в ней оружием, закричал:

– Раненных нет! Пациент покинул палату. Все назад, мать вашу – проворонили!

Алексей почти инстинктивно попытался спрятаться за любовника. В голове его продолжало стучать и грохотать даже тогда, когда люди в форме замешкались и начали останавливаться. Вперед выступил некто с ярко-желтой нашивкой на рукаве, потребовал доклада по форме.

– В жопу себе засунь свою форму, – огрызнулся Эрик, пряча пистолет обратно в кобуру на спине. – Опоздали на несколько минут буквально. Еще можем успеть оцепить район и взять пациента тепленьким. Шевелитесь!

– А этот? – спросил предводитель форменных.

Алексей, словно в тумане, отметил руку, тянущуюся к нему. Отреагировать не успел.

Эрик по руке ударил.

– Этот со мной, – перехватив Лешу с ворота за локоть, он вплотную прижал того к себе и прошипел, не прекращая двигаться к выходу из парка. – Леха, главное не дергайся. Я планирую вытащить тебя из этой жопы живьем.

Это был, пожалуй, первый случай, когда Книжник понял, что не верит человеку, которого буквально несколько минут назад называл своим парнем. И он действительно попытался дернуться, но некогда нежные пальцы превратились в стальные тиски.

– Не добавляй мне проблем, – приказал Эрик, пронзив ледяным взглядом.

Алексея затошнило от ужаса.

На краю парка стояло сразу несколько машин скорой помощи, весьма эффективно перегораживая все выезды и даже некоторые выходы. Эрик снова выругался и побежал к ближайшей:

– Заводи!

Книжник оглушено озирался, замечая какие-то совершенно дикие детали пейзажа. Инфополе хладнокровно указало на тот факт, что все машины были бронированы. И все, судя по логотипу на боках, принадлежали корпорации «GNS». Сквозь окна кабин просматривались все те же люди в форме, разве что без шлемов.

– А пациент-то где?! – рявкнул какой-то парень с нервно бегающими глазами. – Этот что ли?

Белый халат на нем смотрелся не менее дико, чем бронированное нутро машины, из которой он выпрыгнул.

Эрик ответил коротко и в рифму. Снова дернул Лешу на себя, поторапливая. Алексей споткнулся, больно ударившись босой стопой о неровность асфальта. Упал бы, если бы не поддержка стальных тисков.

Резко сдавило виски. Потемнело не то в глазах у Книжника, не то весь парк накрыло куполом из темного стекла.

– Оп-пааа, – с удивленной радостью протянул парень в белом халате, доставая ствол из-под полы. – Изнанку открыли. Лемур, это ж засада.

Эрик ответить не успел – пространство взорвалось тысячей канонад. Что-то рвануло с адским грохотом. Запахло дымом и гарью. Кто-то закричал, командуя оборону, кто-то просто – закричал.

В глазах Алексея слова и символы закрутились в бешеном хороводе, споря с сошедшей с ума реальностью. Ему все никак не удавалось уцепиться ни за одно из пространств, слишком дико выглядело каждое из них и рассудок сдавался.

Кажется, он все-таки упал, хотя и не помнил, чтобы пальцы Эрика хоть на миг его отпустили.

Он слышал и видел маты, срывающиеся с губ Лемура быстрее, чем пули из пистолета. Кажется, видел даже, как одно из особо вычурных его высказываний проткнуло кого-то насквозь. На асфальт хлынули гемоглобин, эритроциты, плазма.

– Шевелись, Леха, шевелись! – подгонял его Эрик.

Но двигаться в трех проекциях мира оказалось непосильной задачей для Книжника.

– Лемур, ты куда бя?! – кричал им в спину кто-то. – Пациента оставь, мы подберем!

Кажется, от этих слов Эрик только ускорился.

В какой-то момент до Алексея вдруг дошло, куда его тащат. У живой изгороди, на самом краю темной линзы, стоял мотоцикл Эрика. Единственная техника, не испещренная паучьими символами, проступающими в темном пространстве. Или дело было в том, что переднее колесо выступало за его границу, блестя черной рамой на солнце ничего не подозревающего мира?

Как бы там ни было, Алексей вдруг понял, что его спасают. Что сейчас они вырвутся из этого Ада вместе. Что...

Эрик вдруг споткнулся и упал, выпустив Лешу. Кое-как сгруппировавшись, прокатился кубарем. Вскочил тут же, зажимая ладонью левый бок.

Алексей подался было к нему, но очередная автоматная очередь выбила колючую крошку из асфальта совсем рядом. Инстинкт швырнул Лешу в противоположную сторону, под тень какого-то куста, остро пахнущего гнилью.

А когда Книжник смог поднять голову, Эрик все так же стоял, чуть согнувшись. Не двигался. И на лице его страшным оскалом горела улыбка. Он смотрел куда-то вдаль и вверх, посылая последний привет своему убийце.

Пространство вновь сместилось и на мгновение Алексей смог увидеть чужими глазами. С крыши того самого павильона с газировкой в него (нет, не в него, а в Эрика!) целился неизвестный. Высокий мужчина с винтовкой. Нижняя половина лица была скрыта чем-то на подобии респиратора, но из-под черной банданы выбились каштановые пряди, а сквозь прицел смотрели голубые глаза.

На самом деле, между двумя выстрелами прошло всего несколько секунд. Алексей даже крикнуть не успел.

Рубашка на груди Эрика взорвалась тканевыми клочьями. Эрик дернулся.

И упал.

Нет!

Алексей рванул к нему. Выскочил из-под черной листвы прямо под ноги кому-то.

– Оп-па, пациент! – этот кто-то в белом халате среагировал мгновенно – ударил прикладом.

Все три пространства вспыхнули в голове Книжника огнистой болью. И схлопнулись.

Глава 13

День был настолько пасмурным, что даже в подъезде воздух дрожал от сырости, смазывая очертания предметов. Алексей не сразу смог попасть по кнопке звонка. Юджин открыл мгновенно, улыбнулся.

– Лёш, хорошо, что пришел, – посторонился, пропуская брата в квартиру.

В нос Алексею шибануло запахами спирта, крови и медпрепаратов.

– Что случилось? – он торопливо скинул обувь и прошел за чуть прихрамывающим Лютнистом в гостиную.

Остановился на пороге, увидев незнакомых людей.

Двое молодых людей – парень и девушка валетом лежали на разложенном диване. Девушка, кажется, была в отключке. Парень шипел и кривился от боли в руках Мечника, зашивающего его распоротую голень.

– Привет, Лех, – сказал Максим, не оборачиваясь. – Поможешь?

Голос его звучал спокойно до неестественности.

– Что случилось? – спросил Алексей, хватая перевязочные материалы из распахнутой настели огромной аптечки.

Но метнулся не к раненой незнакомке, а к Юджину, по разодранному рукаву которого расплывалось алое пятно. Лютнист попытался отмахнуться:

– Да ничего особенного. Леш, это подождет...

– Сорвалась операция, – процедил сквозь сжатые зубы раненный. – Они нас там словно ждали... Черт!

– Ты тоже там был? – с явным укором спросил Леша, едва ли не силой усаживая брата в кресло.

– Он вытащил Струну, – поделился Мечник.

Бросил короткий, полный тревоги взгляд на беспамятную девушку.

– Прекрасно, – вдруг обозлился Алексей. – Ты, Юдж, прямо герой.

– Лёш, не сердись, – мягко попросил Лютнист, подставляя плечо.

Взору Книжника открылась широкая и длинная ссадина, неровная и грязная. Леша матюгнулся себе под нос.

– Ну, вообще-то герой не он один, – заметил парень, которого Максим уже закончил шить и теперь перевязывал. – И кое-кто пострадал куда больше.

– Вы тут все герои, – огрызнулся Алексей, не отрываясь от промывания. – Камикадзе.

– Э, – парень растерянно заморгал, убирая золотисто-рыжие пряди, упавшие на лицо. – Мы тут, что, по-твоему, в игрушки играем?

– Лучше бы в игрушки, – кивнул Леша. – Может быть, тогда от вашей дури страдали бы только вы.

– Лёш, ты не понимаешь, – запоздало попытался вмешаться Юджин, воспользовавшись тем, что раненный парень на мгновение потерял дар речи.

– Я уже не уверен, что хочу понимать, – признался Алексей. – И знать не желаю, где они были и что делали. Но я не хочу, чтобы ты, Юдж, позволял себя в это впутывать.

– Эти самые они, вообще-то, такие же твои братья, как и Лютнист! – вдруг обиженно выпалил парень.

– Яр, Лёш, прекратите, – попросил Юджин.

Глаза у него сделались несчастные и тоскливые. От этого взгляда Алексей почувствовал укол совести, что еще больше его разозлило.

– С такими братьями врагов не надо, – буркнул он прежде, чем заметил, как угрожающе выпрямился Максим.

В следующую секунду Мечник огрел Книжника невесть откуда взявшимся прикладом, и мир потемнел окончательно.

"Стоп. Не правда. Какой приклад? Никто меня тогда не бил, мы просто сильно поспорили с Ярославом и..."

Но почему тогда так раскалывается голова?"

Алексея вздернули на ноги и поволокли. Он послушно пошел за влекущей его силой, не в состоянии даже открыть глаза. Голова невыносимо болела, его мутило и шатало. Немели руки в слишком тугих наручниках.

Внезапно земля ушла из-под ног, и Леша рухнул лицом вперед. Его подхватили в последний момент, не дав разбить и без того поврежденную голову, но он сильно ударился коленями. От новой боли в голове чуточку прояснилось, и глаза распахнулись сами собой.

Сквозь мутную пелену дурноты, Алексей разглядел огромное помещение, похожее на ангар для самолетов или какой-то цех. Однако ни самолетов, ни каких-либо станков не было видно – только разнокалиберная техника, разной степени вооруженности. За спиной гудели, закрываясь, автоматические створки ворот. Вокруг суетились люди в уже знакомой черной форме, подчиняясь приказам людей с желтыми нашивками на рукавах.

– Эй, пациент, долго отдыхать будем? – кто-то дернул его за плечо, вынуждая подняться.

Пятки холодило от металлического пола сквозь тонкие носки. Леша не помнил, когда и где потерял вторую кеду, и сейчас это заботило его меньше всего. Он заморгал, с тупым бесстрашием рассматривая лицо парня, который не позволял ему упасть обратно. Это был тот самый подставной медик, с которым разговаривал Эрик...

Где Эрик?

Алексей попытался оглядеться, слишком быстро повернул голову. Его тут же повело, желудок подскочил к горлу.

– Стоять, не падать! – весело скомандовал парень, еще сильнее стискивая руку на Лешином плече. – Ты начальству нужен живым.

– К-кому?

– Хэй, Койот, тебя можно поздравить? – женский голос показался Алексею слишком пронзительным.

Он сторбился, прижимая голову к плечу в надежде закрыть хотя бы одно ухо.

– Поздравь, – откликнулся «медик».

В суженом поле зрения Алексея появилась девушка, похожая на росчерк черной туши – тонкая, с резкими чертами лица, яркими губами и смоляной косой, достигающей поясницы. Она приблизилась вплотную, жадно и нарочито откровенно поцеловала парня в белом халате, игриво растрепала его и без того всклокоченную шевелюру. И вдруг шагнула к Леше так близко, что он с отчетливой ясностью разглядел желтые крапинки в ее злых, синих глазах.

– Это... – девушка тут же удивленно отступила на полшага. – Это же...

Алексей понял, что она узнала его, хотя сам он готов был поклясться, что видел ее впервые.

– Красивый правда? – с гордостью заявил Койот, не замечая замешательства девушки. – Только малость пришибленный. Это потому что я его пришиб!

«Медик» рассмеялся собственной шутке. Потом добавил:

– Прикладом приложил и переборщил малость. Ничо, оклемается.

От воспоминаний об ударе голова вспыхнула новым приступом боли. Алексей покачнулся, зажмурился, прогоняя накатившие слезы. Пока он стоял погруженный в себя, вокруг что-то неуловимо изменилось. Стихли посторонние разговоры и смешки, люди в форме пере-

стали беспорядочно толпиться, выстроились в шеренги. Койот отпустил Лешу и подобрался. Только девушка осталась стоять в прежней, расслабленной позе.

И в воцарившейся тишине Книжник услышал шаги.

Кто-то неторопливо шел мимо рядов людей и техники. Каблуки слегка стучали по металлическому полу ангара. Он приближался.

Алексею вдруг стало холодно. Он увидел неприметный черный мешок, брошенный кем-то прямо под колеса одной из машин скорой помощи. Продолговатый большой мешок с молнией по всей длине. Рядом с ним остановились мужские туфли из черной кожи.

– Лемур? – спросил кто-то бесцветным голосом.

Один из форменных присел перед мешком. Вжикнула молния.

Алексей хотел зажмуриться, но не успел.

Эрик продолжал смотреть в пустоту остекленевшими глазами. Бледный, с застывшей на синих губах полуулыбкой.

– Закройте, – скомандовал кто-то все так же бесцветно.

Молния поползла вверх.

– Глаза, – услышал Леша свой собственный, слабый и дрожащий шепот. – Закройте ему глаза.

Койот насмешливо хмыкнул. А девушка вдруг шагнула к телу Лемура. Остановила молнию. И на миг накрыла его лицо ладонью, опуская веки. Ухмылка Койота стала еще шире, но больше никто не смеялся.

Кожаные туфли шагнули к Алексею. Он невольно проследил взглядом за их перемещением, чувствуя в груди какую-то гулкую, саднящую пустоту.

– Кто это? – спросил голос над опущенной головой Леша.

– Пациент, – ответил Койот.

И сморгнул, мгновенно теряя половину уверенности. Глаза его вновь беспокойно забегали.

Холодные пальцы обожгли подбородок Алексея, вздергивая его лицо вверх, навстречу взгляду паучьих глаз. Книжник сморгнул, обмирая всем своим существом. В горле запершило, словно в огромном помещении вдруг разом закончился воздух.

Мужчина просто смотрел. Но его стальные глаза буквально пронзали душу, словно клинки. Книжник сжался, захлопнулся. В сознании сам собой возник образ белого щита, закрывающего его от враждебного металла. Инфополе вспучилось вокруг лентами беленой бумаги, обнимая и защищая его, не впуская Паука внутрь.

Мужчина не изменился в лице, но пальцы с подбородка убрал и взгляд отвел. Дышать сразу стало легче.

– Это не пациент, – произнес мужчина все так же равнодушно, но все находящиеся в ангаре невольно втянули головы в плечи. – Это не Лютнист.

Койот побледнел, взгляд его затравленно метался.

– Л-лемур его вел, – пробормотал он. – Я п-подумал...

– В следующий раз подумайте еще раз, – посоветовал мужчина со стальными глазами. – Все свободны. Операцию считаю проваленной – ожидайте взыскания.

Он развернулся и все так же неспешно зашагал в обратном направлении.

– Альберт Генрихович, а с этим, что делать? – спросила девушка, тыча пальцем в Алексея.

Паук приостановился, оглянулся через плечо. Клинок снова попытался пробить оборону, но Книжник и не думал опускать щит.

– Он мне не нужен, – решил Альберт Генрихович, продолжая движение. – Можете отдать его в лабораторию. Думаю, там найдут ему применение.

Глава 14

Девушка шла впереди, насвистывая беспечную мелодию. Эхо ее свиста отражалось в гулких коридорах и дробилось на отголоски в высоких потолках. Алексей послушно шагал, поддерживаемый людьми в форме сразу под обе руки. Его все равно чуть вело, а однообразный интерьер смазывался в мутную серую полосу стали с вкраплениями бетона.

Леша понимал, что ведет себя словно безвольная скотина, идущая на убой. Но тупая боль, тошнота и страх подавляли любые зачатки к сопротивлению. Это было унижительно. Алексей старался не думать о том, куда он попал и куда движется, он вообще старался вытеснить любые мысли. Потому что следом за ними всплывали кадры воспоминаний их последних с Эриком минут. Губы сушило и пекло, словно на них все еще горел поцелуй Лемура. Последний.

Горечь подкатила к горлу, Леша трудно сглотнул. Сделал еще один шаг и вместо металла ощутил под ногами резиновый коврик. Перемена заставила его вспомнить о своем положении. Он приподнял голову и огляделся.

Нет, это была еще не лаборатория. Всего лишь просторный лифт овальной формы. Сопровождающая девушка нажала кнопку на длинной панели. На экране высветились цифры. От скорости их смены Алексею вовсе поплохело, хотя сам лифт двигался плавно и бесшумно.

Они спускались вниз. На отметке «-4» табло мигнуло, и за спиной Книжника мягко распахнулись створки.

Пол здесь был еще холоднее. Алексей невольно поджал пальцы на ногах.

Его протащили по очередному коридору, который закончился небольшим светлым помещением и безликой дверью напротив. Интерьер чем-то неуловимо напоминал приемный покой в больнице. Дело, скорее всего, было в освещении и едва уловимых запахах.

– Садись, – скомандовала девушка, впервые обратившись к Леше напрямую.

Его усадили на зеленую кушетку.

Тонкие наманикюренные пальчики набрали код на клавиатуре ноутбука, стоящего на простом столе. Где-то за дверью раздался мелодичный сигнал.

– Вот и все, – девушка доброжелательно улыбнулась, сохраняя колючий лед во взгляде. – Счастливо оставаться.

Алексей растерянно заморгал, не зная, ждут ли от него ответа и если да, то какого.

Двое в форме вышли первыми, а девушка самую малость задержалась в дверях. Оглянулась:

– Знаешь, а ведь Лемур тебя любил. Правда, любил, – хмыкнула так, словно не могла чего-то понять. – А твои братья его убили.

И Книжник остался один.

За стеной что-то механически шипело и пикало. Открытый ноутбук бросал на противоположную от Лешы стену неясные отсветы. Сквозняк превращал босые пятки в куски льда. Алексей поерзал на кушетке, подтянул одну ногу. Но увидел, насколько она грязная и устыдился.

Ему вдруг стало невыносимо смешно.

Он сидел в непонятном месте, с руками, скованными за спиной, брошенный всеми, в ближайшем будущем вряд ли стоило ожидать хоть чего-то хорошего, а его в первую очередь волновало, останутся ли грязные следы на дерматине.

Он рассмеялся мелким истеричным смехом, согнувшись и уткнувшись ртом в колени. На пол упали две соленые капли.

Зашипела, открываясь, одна из дверей. Алексей резко выпрямился, смаргивая влагу с ресниц. На секунду все поплыло и задвигалось по кругу, поэтому он не сразу смог разглядеть лица вошедшего. Из-за очертаний белого халата, показалось, что перед ним снова стоит Койот.

– А где Искра? – спросил незнакомец, глядя на Лешу сверху вниз.

Алексей промолчал, фокусируя взгляд.

Незнакомец ждал, терпеливо замерев в неудобной позе полунаклона. Он был невысоким и шуплым. Его лицо, в обрамлении черных прядей, выбившихся из-под медицинской шапочки, с одинаковой уверенностью можно было назвать и красивым, и уродливым. Наверное, основной диссонанс вызывали глаза – большие, внимательные, такого темного карего цвета, что казались скорее вишневыми. И одновременно с этим – абсолютно мертвые.

От накатившего страха Леша вжал голову в плечи и инстинктивно попытался отодвинуться от этих жутких и притягательных глаз.

– Похоже, она снова ушла даже не поздоровавшись, – вздохнул незнакомец. – Как невежливо с ее стороны. Я ведь могу и обидеться.

Алексей потерянно молчал.

– Ну, привет, – вишневые глаза окинули его таким взглядом, что Леша почувствовал себя голым. – А ты симпатичный. Кажется.

По узким бескровным губам скользнул ярко-красный язык. Или показалось?

Алексей сглотнул.

– Пить хочешь, – кивнул незнакомец и в следующий миг уже оказался у кулера.

Рваные, суетливые движения тонких пальцев вызвали новый приступ дурноты. Алексей на секунду отвел глаза и пропустил момент возвращения. В губы ткнулся край пластикового стаканчика.

– Пей.

На втором глотке Леша вдруг сообразил, как эта сцена, должно быть, выглядит со стороны: пленник со сцепленными за спиной руками послушно пьет из рук своего тюремщика. Или даже палача. Короткий взгляд вверх подтвердил самые худшие опасения – выражение глаз парня в белом халате сделалось хищническим, цепким.

Алексей попытался отстраниться, но узкая ладонь двинула стакан вдогонку за его губами. Пластиковый край царапнул, вода выплеснулась на подбородок, стекла по шее до ворота футболки.

– Пей.

– Я не хочу, – пробормотал Леша.

– Хочешь, – произнес мужчина. – Пей.

Алексей внутренне подобрался и упрямо сжал губы. Страх скручивал его внутренности в тугую узел, головная боль превратилась в раскаленную иглу, пронзившую виски насквозь.

Незнакомец прищурился. И в следующую секунду Алексея сгребли за волосы. Сжали и вздернули, царапая ногтями кожу на затылке.

Леша невольно ахнул и едва не захлебнулся водой, плеснувшейся в открытый рот.

– Не сердь меня, – посоветовал мужчина, равнодушно глядя на то, как Книжник давится и кашляет. – Не обижай Дриши.

Спустя секунду мокрого Алексея вздернули на ноги, благо, перехватив с волос за шиворот, и поволокли за собой с неожиданной, для столь хрупкой комплекции, силой.

– Все обижают Дриши. Всем до Дриши нет дела. Только и делают, что всякий шлак спускают, – проворчал мужчина, потом глянул на Лешу и хмыкнул, самую малость улыбнувшись. – Хотя, ты интересный.

Дверь распахнулась, и взору Алексея открылась лаборатория.

Огромное помещение в первую же секунду напомнило сразу о всех фантастических фильмах, которые Леше только довелось видеть. Люди в безликих лабораторных костюмах, бродили меж столов, заставленных колбами и ретортами, перемежающихся аппаратурой неясного назначения, часть которой была подключена к огромному аквариуму, заполненному зеленоватой жидкостью.

– Ну, как? – спросил тот, кого, кажется, звали Дриши. – Впечатляет?

От вида редких пузырьков воздуха, пробегающих по внутренней стороне стекла аквариума, у Алексея подкосились ноги. Он рухнул многострадальными коленями на пол и согнулся в рвотном позыве.

– Ты чего это? – удивился Дриши, снова подхватывая его за волосы и озабоченно заглядывая в лицо.

И хотя вишневые глаза были очень близко и гипнотизировали, притягивая взгляд, Книжник на краткий миг взглянул мимо них, поверх плеча хозяина лаборатории, и увидел то, что, наверное, будет преследовать его в кошмарах всю оставшуюся жизнь. Центральным объектом помещения, стоял огромный стеклянный бокс, в котором, распятое на толстых жгутах из проводов и трубок, висело нечто отдаленно напоминающее человеческое тело. Очень большое человеческое тело, закутанное не то в черные тряпки, не то в неизвестного вида водоросли, не то в клочки перьев, а может быть во все это разом. Оно медленно вращалось вокруг своей оси, изредка поднимая со дна рой крошечных воздушных пузырьков, и это движение порождало ассоциации с каруселью в каком-то дьявольском парке аттракционов.

– Музыка не хватает, правда? – спросил Дриши, обернувшись и поняв, куда смотрит его пленник.

Алексей ответить не мог, да и не успел бы. Его снова подхватили и потащили. Мимо операционных столов, мимо законсервированных в формалине внутренних органов и частей тел, мимо кровавых луж и плачущих мониторов – прямо к центральному аквариуму. Едва не ткнули носом в стекло.

Тело как раз поворачивалось в эту сторону передней частью. Длинные черные волосы едва заметно колыхались, словно щупальца дохлого морского животного и занавешивали склоненное лицо.

– Не бойся, – хихикнул Дриши, глядя на стремительно побледневшего Лешу. – Птица не кусается.

Птица. Оно действительно напоминало огромную, уродливую птицу. Ворону, запутавшуюся в проводах и сдохшую от голода.

Сквозь шум и давление собственной крови в ушах, Алексей вдруг явственно ощутил, что его лапают. Тонкие пальцы деловито и болезненно мнут задницу, тискают внутреннюю сторону бедер, сквозь ткань тонких джинс ощупывают, стараясь возбудить его. И – что самое гадкое, от чего рот наполняется горечью, а глаза слезами – Леша понял, что действительно возбуждается, отзываясь на умелые прикосновения. Он рванулся прочь от этих рук, но Дриши едва не размазал его по стеклу обратным движением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.